

ЖЕНА

МАРГАРИТА
АБРАМОВА

С ИЗЪЯНОМ

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ ЛЮБОВЬЮ

Маргарита Абрамова

Жена с Изъяном.
Исцеляющая любовью

«Литнет»

2026

Абрамова М.

Жена с Изъяном. Исцеляющая любовью / М. Абрамова —
«Литнет», 2026

Я думала, что самое страшное в жизни — это быть хромой и никому не нужной. Я ошибалась. Старая травница выходила меня, и я сбежала от мужа-тирана далеко в город, где надеялась, он меня никогда не найдет. Теперь я няня для дочери генерала Аурiona. Я не лезу к этому опасному мужчине ни в дела, ни в душу. У самой немало тайн, чтобы задавать вопросы. Но я не знала, что от прошлого не так просто убежать.

© Абрамова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
Визуализация	8
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	23
ГЛАВА 8	26
ГЛАВА 9	29
ГЛАВА 10	34
ГЛАВА 11	37
ГЛАВА 12	41
ГЛАВА 13	48
ГЛАВА 14	52
ГЛАВА 15	58
ГЛАВА 16	61
ГЛАВА 17	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

ГЛАВА 1

МАРИ

Дверь я толкнула тихо. Гленда учила: «Входи в дом, как в реку, девочка. Не тревожь воду». Я и не тревожила. Я вообще старалась быть тихой. Всю жизнь.

В горнице горела одна свеча. Оплывший огарок валялся на полу, жестяной подсвечник на боку — Дурен никогда не ставил свечи ровно, а я вечно за ним поправляла. Сапоги его — один у порога, другой под лавкой. Сам он сидел за столом, локти в крошки, и смотрел на пустой графин.

Я не сразу закрыла дверь. Стояла, держалась за скобу, и холодный воздух тек в щель, лизал пятки. В руках у меня был узелок с сушеным зверобоем, который Гленда дала на обмен, я думала спрятать на полку, пока он не видит.

— Явилась, — сказал Дурен.

Голос ровный. Хуже некуда. Когда он орал, то можно было заткнуть уши и переждать. Когда молчал — надеяться, что пронесет. Но этот голос, будто воду в стакане размешали, я знала. Этот голос не предвещал ничего хорошего.

— Гленда задержала, — сказала я, — У старосты внучка захворала, надо было настою сварить, потом ромашку перебрать...

— Гленда. Гленда. Староста. Внучка.

Он поднял голову.

Лицо у него было красивое. Светлые волосы, падающие на лоб, глаза карие, как темный мед, и ямочка на подбородке. Сейчас глаза были красные, васильки выцвели, и ямочка пряталась в щетине.

— А я тут сижу, — сказал он, — Сижу и думаю: где моя жена?

— Я же сказала...

— Сказала.

Он встал. Тяжело, опираясь на стол, но встал. Я сделала шаг назад, но спиной уже уперлась в дверь.

— Ты всегда говоришь, — продолжал он, двигаясь ко мне, — Говоришь, говоришь, говоришь. А я слушаю, слушаю, слушаю. И знаешь, что я слышу?

Я молчала.

— Ветра, — сказал он, — Пустой ветер. Трескотню. А где правда?

— Дурен...

— Где правда, Мариска?

Он подошел вплотную. От него пахло перегаром и потом. Я сжала узелок со зверобоем, травы хрустнули.

— Я тебя спрашиваю, — он наклонил голову, заглядывая мне в лицо, — Ты у Гленды была?

— Была.

— Помогала?

— Помогала.

— Старостиной внучке?

— Да.

— А больше никому не помогала?

Я сглотнула.

— Не понимаю...

— Никому? — он выделил это слово, — Никому из мужиков? Не помогала? Не утешала?

— Дурен, побойся бога.

— А, бог, — он усмехнулся, — Бог тебя уже побил. Вон, смотри.

И он опустил глаза на мои ноги.

Я это знала. Я всегда это знала. Каждое утро, когда вставала с постели, каждая ступенька на крыльце, каждая лужа, которую надо обойти, каждый взгляд на мою правую ногу, которая с детства была короче левой.

— Ну что ты молчишь? — голос его стал тише, почти ласковым, — Правда глаза режет? Или мне самому рассказать какая ты?

— Я не...

— Хромая, — сказал он. Выплюнул неприязненно.

И тут я сделала ошибку. Я подняла на него глаза.

— Я тебе верная жена. Я никогда...

Он не дал договорить.

Он схватил меня за косу.

Это была моя гордость, моя длинная, черная, тяжелая коса. Я мыла ее отваром крапивы, заплетала на ночь, берегла. Мать говорила: «В косе твоя сила». Я не знала, какая там сила, но коса была моя, только моя, никто другой такой не носил в нашей деревне.

Дурен намотал ее на кулак, коротко, в три оборота, и рванул к себе.

— Дрянь, — сказал он мне в лицо, — Хромая дрянь.

Я не заплакала. Я сжала зубы и смотрела на его кадык, который дернулся. Боль была горячая, от корней волос вниз по позвоночнику, до самого копчика.

— Я тебя спрашиваю, — сказал он, не отпуская, — С кем ты была?

— С Глендой, — выдохнула я.

— А днем? Вчера? Позавчера? Когда я на работе спину гнул, ты где шастала?

— Я нигде...

Он дернул сильнее. Я качнулась к нему, уткнулась лицом в его грудь, в пропахшую потом рубаху. Узелок выпал из рук, зверобой рассыпался по полу мелкими сухими звездами. Трость выпала из руки.

— Думаешь, я не вижу? — голос его стал совсем тихий, почти шепот, — Думаешь, я слепой? Ты приходишь поздно, у тебя глаза блестят, и пахнешь не пойми чем... Не травами, Мариска. Не травами.

— Ты пьян.

Это была вторая ошибка.

Он оттолкнул меня.

Я упала на колени прямо в рассыпанный зверобой, сухие соцветия впились в кожу сквозь подол. Коса выскользнула из его пальцев, упала на спину плетью.

— Пьян, — повторил он, — Конечно. Жена шляется, а я пью. А ты не пьешь? Ты чем у Гленды там питаешься? Или она тебе наливочки подливает для храбрости?

— Гленда не пьет...

— Гленда, — перебил он. — Ты заладила. Гленда да Гленда. Совсем про мужа забыла. Мужик пашет с утра до ночи, приходит, а жрать не наготовлено, не убрано, в доме свечи на полу валяются...

Я встала, опираясь на подобранную трость.

— Перед кем ноги свои хромые раздвигала?

— Ни перед кем...

— Врешь...

И тут он ударил меня.

Не кулаком — ладонью. Наотмашь, по щеке.

— Я. Тебя. Спрашиваю.

— Ни перед кем...

Ошибка номер три.

Он ударил снова. По той же щеке. Потом по другой.

— Зачем ты врешь, — сказал он почти устало, — Зачем ты заставляешь меня это делать?

Я молчала. Я научилась молчать. Когда мне было десять, отец бил меня палкой по больной ноге — «чтобы не хромала, чтобы ровно ходила, как люди». Я кричала тогда. Потом перестала. Кричать бесполезно. Боль все равно приходит.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Я подняла глаза.

— Ты моя, — сказал он. — Понимаешь? Ты моя жена. Моя. Я тебя взял. Никто не взял бы хромую, а я взял. Ты должна мне быть благодарна. Каждый день. Каждую ночь.

— Я благодарна.

— Не слышу.

— Я благодарна.

— Раздевайся, — сказал он.

Я подняла голову.

— Дурен...

— Раздевайся, я сказал.

Я не двинулась. Не потому, что смелая. Я просто не могла.

Листаем =>>>

Визуализация

МАРИСА

ДУРЕН

ГЛАВА 2

МАРИ

Он ждал. Секунду. Две.

— Ты слышала? — спросил он. И голос его стал совсем тихим.

— Дурен, пожалуйста...

Он ударил меня в живот.

Я сложилась пополам, но упасть в этот раз мне не дал.

Еще раз... По ребрам.

Ухватил за ворот платья и потащил на постель. Ткань затрещала, пуговицы покатились по полу.

— Пора детей рожать, — сказал он, наваливаясь, — Сына мне. Сына, слышишь? А ты за год так и не понесла. Пустое брюхо, бесплодная. Ни красоты, ни здоровья, ни плода. Додумался же взять в жены ущербную.

Он рвал мое платье. Рубаха затрещала следом. Холод коснулся низа, а затем добрался и до груди.

Он навис сверху, расстегивая штаны.

— Ты моя, — сказал он. — Ничья больше.

Муж вошел в меня резко, сухо, без ласки. Я закусила губу до крови, но не закричала. Я смотрела на трещину в потолке и считала про себя. Раз. Два. Три. Четыре... Дышать. Выдох. Вдох.

Он двигался тяжело, быстро, всхрипывал, как лошадь после бега. Я не закрывала глаза. Я смотрела в потолок и ждала, когда это кончится.

— Скажи, что любишь, — прохрипел он мне в ухо. — Скажи.

— Люблю...

Он закончил, упал на меня, тяжелый, потный, и замер. Я лежала под ним, как под могильной плитой, и смотрела в потолок.

Трещина была похожа на реку. Или на шрам.

Через некоторое время он задышал ровно, перекатился на бок и уснул. Сразу, как провалился. Я лежала рядом в порванном платье и, только когда он заснул, слезы брызнули из глаз.

Я не всхлипывала. Я лежала тихо, и слезы текли сами. Руки лежали вдоль тела, ладонями вверх, как у покойницы. Я смотрела в потолок и плакала без звука. Этому я тоже научилась. Плакать без звука, дышать без крика, жить — без надежды.

Боль растекалась по телу. Не сразу — сначала она собралась внизу живота, тяжелая, как камень, потом пошла волнами: к пояснице, к ребрам, к лицу, к корням волос, которые он дергал. Я вся была ею, этой болью. Я дышала ею, сглатывала ее, слышала ее звон в ушах.

Рядом спал муж.

Как же я ненавидела его...

Я смотрела на него и не могла вспомнить — любила ли я его когда-то. Пыталась нащупать в памяти то чувство, с которым просыпалась по утрам в первые месяцы, но находила только пустоту. Будто я перестирала все простыни, и краска сошла, осталась только серая, выцветшая ткань.

Год назад он посватался к моему отцу, и тот сразу согласился. Я стояла в сенях, прижимала узелок с пожитками к груди и слышала их разговор через дощатую дверь. «Хромая, — говорил отец. — Но девка работящая, не пьет, язык за зубами держать умеет. Бери, пока не передумал». Он был так рад спихнуть калеку.

Дурен тогда был улыбчивым. Я запомнила эту улыбку — широкую и открытую. Он называл меня красивой. Смотрел на мою косу, на глаза, даже на ногу не смотрел. Или делал вид,

что не замечает. «Красивая ты, Мари, — говорил. — А что хромаешь — так это даже мило. Как уточка».

А я не привыкла к комплиментам. Я привыкла только к оскорблениям. «Хромоножка», «колченогая», «кривобокая» — это я слышала с детства. От отца, от сестер, от соседских мальчишек, которые кидали камни и кричали: «Ведьма! Ведьма хромая!» Мать иногда заступалась, но чаще молчала. Когда тебя двадцать лет называют ущербной, ты перестаешь верить, что можешь быть другой.

А он сказал — красивая.

Я поверила.

Я верила каждому его слову. Когда он держал меня за руку на ярмарке — верила. Когда приносил леденец в бумажке — верила. Когда в первую брачную ночь вошел в меня быстро, грубо, не спросив, готова ли, и я заплакала от боли и стыда, а он сказал: «Ничего, привыкнешь, все бабы плачут» — я и тогда верила.

Я была счастлива. По-своему... Счастлива, что не останусь старой девой, которую будут жалеть и за спиной называть «вековухой». Счастлива, что есть свой дом, свой муж, свое место за столом. Мечтала о детишках — о сыне с отцовскими глазами, о дочке, которой заплету такие же длинные косы и научу не верить красивым словам.

Я даже имя придумала. Для дочки — Аглая. Светлая. Чтобы у нее все было хорошо.

Но лучше бы я осталась одна.

Лучше бы я осталась в отцовском доме, спала в маленькой комнатке. Лучше бы я ушла в монастырь или нанялась в батрачки к чужим людям. Лучше бы я умерла той зимой, когда упала в прорубь и три дня лежала в горячке. Мать уже свечку к руке привязывала, думала, не выживу.

Выжила.

Для чего?

Я смотрела на него. На его красивое лицо во сне, на ямочку на подбородке, на густые ресницы. И не могла вспомнить — я вообще его любила? Или любила не его, а ту жизнь, которую он мне обещал? Не мужчину, а избавление?

Год назад я сидела на своей девичьей половине, зашивала прореху на юбке и слышала, как отец говорит матери: «Слава богу, хоть кто-то позарился. Я уж думал, век нам эту обузу тащить». И мать ответила: «Тише, она услышит». А отец: «И пусть слышит. Правду полезно знать».

Я услышала.

Было обидно слушать, что дома я тоже обуза. Только там меня терпели по крови, а здесь по доброй воле. Я думала, доброй.

Я думала.

Я перестала думать в ту ночь, когда он впервые ударил меня. Не сильно — так, по щеке, за недосоленные щи. А потом извинялся, плакал, целовал руки: «Прости, Мари, прости, я не хотел, работа замучила, начальник ругал, ты же понимаешь...» Я понимала. Я все понимала. Я умела понимать — это вместо того, чтобы кричать.

Он пил тогда меньше. Сильнее начал, когда понял, что я не рожаю. Месяц, второй, третий — ничего. Он смотрел на мой живот с надеждой, потом с тревогой, потом с раздражением. «У всех бабы как бабы, — сказал он однажды. — А моя — бракованная со всех сторон».

Я ходила к Гленде. Она щупала живот, качала головой, поила травами. «Рано, — говорила. — Год еще не прошёл. Бывает, и по два года не носят, а потом тройню рожают». Я пила травы. Терпела. Ждала.

А он пил крепкое.

И с каждым месяцем руки у него становились тяжелее.

Я смотрела на него и чувствовала, как в груди поднимается ненависть, медленно, как тесто на опаре, заполняла грудь, подступала к горлу.

Я хочу уйти.

Но куда?

В отцовский дом? Отец скажет: «Сбежала? Дура. Возвращайся, терпи. Твоя доля бабья». Мать промолчит. Сестра отвернется.

Я завтра с ним поговорю, когда он протрезвеет. К чему это все?

Пусть найдет себе другую... Ни хромую, и способную родить.

ГЛАВА 3

МАРИ

Мы разведемся. Я попрошусь к Гленде. Она не откажет.

У Дурена последнее время на работе дела не очень. Моя подработка приносила какие-никакие деньги. Мне их хватит на простую жизнь.

Гленде нужна помощь. Буду ее помощницей. Буду ходить по домам, носить настои, вправлять вывихи, принимать роды. Я уже многое умею. Гленда говорила: у тебя легкие руки, Мари, чуткие. Такие руки лекарям нужны.

А Дурен возьмет новую жену. Здоровую, красивую, с ровными ногами и широкими бедрами. Она родит ему сына, будет солить щи в меру, ставить сапоги ровно. И он забудет, что была какая-то хромая Марисия, которую взял из жалости.

Я смотрела на него и ненавидела.

И не только за то, что он бил. Не за то, что насиловал. Не за то, что пил и срывал злость на мне.

А за то, что называл хромой дрянью.

Это слово въелось в меня глубже, чем его кулаки. «Дрянь». Не человек — дрянь.

И за то, что украл мою жизнь.

Меня перестали называть Мари или Марисей — я стала просто «хромой женой Дурена».

Он украл мое имя.

Он украл мою косу — теперь каждый раз, когда он хватается меня за волосы, я чувствую не гордость, а страх.

Он украл мое тело — оно больше не мое, это место, куда он приходит, когда хочет.

Он украл мой сон — мне снятся его руки.

Он украл мой смех — я не помню, над чем смеялась раньше.

И он украл мою любовь. Ту самую, глупую, доверчивую, которой я встретила его год назад. Он выпил её до дна, разбил стакан и удивился, что я вся в крови.

— Ненавижу, — прошептала беззвучно, одними губами.

Он вздохнул во сне, перевернулся на другой бок, подложил ладонь под щеку. Лицо безмятежное, как у младенца. Ему не снится моя боль.

Я повернулась на бок, спиной к нему.

Хоть он и болел сильнее левого, но смотреть на лицо мужа я не хотела.

Хотелось только встать и уйти из этого дома навсегда.

Но я так и не заснула. Слушала храп Дурена. Он всегда спал хорошо после того, как брал меня. Сбрасывал напряжение и проваливался в черноту. Ни снов, ни страхов, ни угрызений.

А я лежала и ждала утра.

Боль душевная была сильнее боли тела.

Тело болело привычно. Я знала, куда наступить, чтобы не тревожить ребро, как дышать, чтобы не кололо под грудью, как сидеть, чтобы не давить на ушибленный копчик. Тело было врагом, но врагом знакомым, изученным, предсказуемым.

А душа болела по-новому каждый раз. То тоской, то стыдом, то злостью, то пустотой. Сегодня — пустотой. Как будто внутри выжгли все дотла, и ветер гуляет по пепелищу, и нечем дышать от этой золы.

Я слышала, как он начал просыпаться.

Дыхание изменилось — стало поверхностным, прерывистым. Храп оборвался на полудыхе. Он пошевелился, потянулся, хрустнул шеей. Скрипнула кровать — он сел, свесил ноги.

Я лежала неподвижно, спиной к нему, и ждала.

Сейчас он встанет, умоется, фыркнет, отряхнется от похмелья.

Я хотела поговорить.

Не кричать. Не обвинять. Не бить его словами, как он бьет меня кулаками. Просто сказать.

— Дурен.

Он замер. Я слышала, как перестала скрипеть кровать, как воздух остановился в его груди.

— Ты не спишь? — спросил он. Голос сиплый, утренний, без вчерашней злости.

— Не сплю.

Я села. Медленно, осторожно, придерживая ребро левой рукой. Правая нащупала край одеяла, прикрыла грудь.

Он посмотрел на меня. Я чувствовала его взгляд — тяжелый, мутный, еще не проснувшийся. Он не помнил? Или помнил, но делал вид, что не помнит?

— Дурен, — сказала я. — Нам надо поговорить.

— С утра пораньше? — он хмыкнул, но в голосе не было злости. Скорее растерянность.

— Что такое, Мари?

— Я хочу уйти.

Тишина стала другой. Гуще и плотнее.

— Куда? — спросил он.

— Я хочу развестись, Дурен, — слова дались легко, но голос все же дрожал от страха.

— Ты дура, Мари?! — сказал он тихо. — Кому ты нужна, кроме меня?

Я не ответила.

— Подожди... Или что... Ты кого-то себе нашла?

ГЛАВА 4

МАРИ

— Мари! Мари, ты дома?

Голос Гленды ворвался в комнату вместе со скрипом двери и холодным воздухом. Я не ответила. Я не могла ответить. Я лежала на полу у кровати, свернувшись калачиком, и смотрела, как пылинки танцуют в косом луче дневного солнца.

— Мари? Ты что, не слышишь? Я уж думала, ты придешь, а тебя все нет, я и забеспокоилась...

Она прошла дальше и остановилась.

Я увидела ее ноги. Старые, в валенках с калошами, обмотанные поверх шерстяными платками. Они замерли на пороге, будто споткнулись о невидимую преграду.

— Мари... — выдохнула Гленда.

Она опустилась на колени рядом со мной. Медленно, тяжело, с хрустом в суставах.

— Девочка моя, — сказала она шепотом, — Девочка моя родная.

Она не спросила, что случилось. Она не спросила, кто это сделал. Она просто смотрела — на мое лицо, наверняка распухшее, в синих и лиловых пятнах, на разбитую губу, на платье, порванное от ворота до пояса, на голые ноги, по которым все еще стекала тонкая струйка крови.

Она все поняла сразу.

Гленда прожила семьдесят три года. Она принимала роды и вправляла вывихи, она зашивала раны и закрывала глаза мертвым. Она видела жен, которых приносили мужья после субботней пьянки, и видела тех, кого уже не принесли — только позвали на отпевание.

Она знала.

— Воды, — сказала она себе под нос, — Воды согреть, тряпицы чистые, тысячелистник, кровохлебку... Ребра посмотреть надо, Господи, ребра...

Руки у нее дрожали. Я никогда не видела, чтобы у Гленды дрожали руки. Руки у нее всегда были твердые, как у молодой.

— Гленда, — прошептала я.

— Молчи.

— Я не...

— Молчи, сказала.

Она отвернулась, но я успела увидеть ее лицо. Оно сморщилось, собралось в мелкие складки, как сушеная слива. Губы поджались, втянулись внутрь, будто она хотела заглотить крик обратно.

— Сейчас, — сказала она, шаря по столу. — Сейчас мы тебя умоем. Сейчас я посмотрю, что он с тобой сделал, ирод окаянный...

— Гленда.

— Что?

— Я сама встану.

Я попыталась приподняться на локтях. В глазах потемнело, ребро отозвалось острой вспышкой, и я осела обратно на пол, выдохнув сквозь зубы.

— «Сама»! — Гленда прикрикнула на меня, но в голосе ее не было злости, только боль. — Какая сама! Лежи, дуреха. Лежи, не шевелись.

Она накрыла меня одеялом.

— Сейчас вернусь.

Я слышала, как скрипнула дверь, как ее шаги затихли на крыльце. Потом стало вовсе тихо.

Я лежала одна. Мысль была одна: Вот бы никогда не вставать с этого пола, не открывать глаза, не возвращаться в ту жизнь, где я — хромая жена Дурена.

Но Гленда вернулась. Спустя некоторое время она привела помощь.

— ...осторожно, у нее ребро повреждено. И ногу берегите, правую, она у нее и так слабая...

Я отвернулась, было ужасно стыдно. Хотелось просто закрыть глаза и крепко заснуть, чтобы не чувствовать боли и позора.

Хотелось просто закрыть глаза и крепко заснуть. Чтобы не чувствовать боли — ни в ребрах, ни в душе. Чтобы не слышать их вздохов, не ловить их взгляды, не гадать, о чем они думают. «Сама виновата», — наверное. «Небось, довела мужа». «Стерпится — слюбится».

— Мари, — голос Гленды стал мягче, — Это Авил. Помнишь Авила? Он тебе прошлой осенью помогал дрова колоть, когда Дурен запил. И сын его, Павил. Они помогут.

Я помнила.

Авил был кузнецом. Широкий в плечах, молчаливый, с руками, навсегда пропахшими железом и угольной гарью. Он никогда не улыбался, но и не хмурился — просто смотрел своими темными глазами, будто видел тебя насквозь. Жена у него умерла, остался сын. Павил был похож на отца — такой же большой, такой же тихий.

Я слышала, как они переминаются у порога. Как Авил кашлянул в кулак.

— Гленда, — сказал Авил негромко, — Чего случилось-то?

— То и случилось, — отрезала Гленда. — Не видишь?

— Вижу, — помолчав, сказал Авил. — Дурен?

— А кто ж еще.

Авил ничего не ответил.

— Берите носилки, — сказала Гленда, — У крыльца стоят. Я приготовила.

— Мари, — Гленда наклонилась ко мне, отвела волосы с моего лица, — Сейчас тебя поднимут. Будет больно, ты кричи. Не терпи. Слышишь? Кричи, если больно.

Я кивнула.

Они уложили меня на носилки. Осторожно, почти невесомо, будто я была не взрослой женщиной, а пушинкой. Гленда поправила подушку под головой, укрыла вторым одеялом, подоткнула края.

Мужчины погрузили в телегу и повезли к дому Гленды, которая сидела рядом и гладила мою руку.

Я то провалилась в темноту, то приходила в сознание. Темнота приходила волнами — то накрывала с головой, и я переставала чувствовать боль, холод, запах сена, то отступала, и тогда я снова слышала скрип полозьев, дыхание лошади, негромкий говор Гленды.

— Все, — выдохнул Авил. — Доставили.

Меня перенесли с телеги в дом. Стало спокойно. Ведь здесь я чувствовала себя безопаснее, чем у себя дома. Почувствовав знакомый запах трав и лекарств, стало легче.

— Спасибо вам, — Гленда говорила тихо, но я слышала в ее голосе слезы. — Без вас бы не управилась.

— Да что уж там, — Авил замялся. — Вы скажите... помощь какая нужна? Дрова там поколоть, воды принести?

— Справлюсь.

— Ну, смотрите.

— Ушли, — выдохнула Гленда, когда дверь закрылась, и сразу засутилась.

Она подошла ко мне, поправила одеяло, пощупала лоб, покачала головой.

— Жар будет, — сказала она сама себе. — К вечеру обязательно. Надо отвар жаропонижающий заварить, малину, липовый цвет... Сейчас, сейчас, Мари, я быстро.

Я хотела сказать, что никуда не тороплюсь, что могу подождать, но язык не слушался. Гленда исчезла из поля зрения, загремела горшками, зашуршала травами. Я слышала, как льется вода, как стучат по столу сухие стебли.

— Пока переодевать не буду, — сказала она, присаживаясь рядом. — Нужно убедиться, что переломов нет.

Она откинула одеяло.

Я зажмурилась.

Стыд был сильнее боли. Я лежала перед ней — грязная, в порванном платье, в засохшей крови, в синяках, покрывающих тело от шеи до колен.

— Ох, Мари, — выдохнула Гленда. — Ох, девочка моя.

Она молчала долго. Очень долго. Я не открывала глаз, но слышала ее дыхание — тяжелое, прерывистое. Слышала, как она сглатывает, как шмыгает носом. Она плакала.

— Гленда, — прошептала я. — Не надо.

Она взяла тряпицу, смочила в теплой воде и начала осторожно, едва касаясь, обтирать мое лицо.

Она обтирала шею, ключицы, плечи. Вода стекала по коже, смывала грязь, кровь, пот.

Ее пальцы осторожно ощупывали мой бок. Я закусила губу, когда они наткнулись на болезненное место.

Она надавила сильнее. Я вскрикнула — коротко, сдавленно, но вскрикнула.

— Прости, родимая, прости, — зашептала Гленда. — Надо знать. Надо.

Она продолжала ощупывать. Ребра, живот, тазовые кости.

— Перелома нет, Мари. Точно не скажу, пока не пройдет опухоль, но, похоже, что просто сильный ушиб. Заживет, если будешь лежать и отдыхать больше.

Она помолчала.

— Синяки пройдут. Ссадины заживут. Губа затянется.

— А там? — я показала глазами на живот.

Гленда отвела взгляд.

— Там я не знаю, — сказала она тихо, — Кровь могла пойти от удара. От того, что он тебя... ну, ты понимаешь. От того, что ты лежала на холодном полу целый день.

ГЛАВА 5

МАРИ

Мне снился какой-то кошмар.

Я не помню, что именно. Там было темно и холодно, и кто-то тянул ко мне руки — длинные с черными ногтями. Или это были не руки? Может, ветки? Может, просто тени от печной заслонки, которые в полусне становятся чудовищами?

Но оно и к лучшему, что не помню.

Мне хватало кошмара и наяву, не то что ночью. Наяву у меня был Дурен. А ночью хотя бы просто тени.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. Не тот, что был над нашей кроватью, и сразу все вспомнила. Я у Гленды.

Выдох облегчения вышел сам собой — длинный, дрожащий, со слезами на глазах.

Я попыталась пошевелиться и зашипела от боли.

— Она спит. Уходи, — услышала шепот Гленды. Но он был такой грозный, что я сразу поняла к кому он обращен.

— Я должен ее увидеть. Она моя жена.

Видимо, приход Дурена и разбудил меня.

Я представила, как они стоят друг против друга на пороге. Маленькая, сутулая старуха в старом платке и высокий мужик, молодой, злой, с кулаками, которые уже не раз доказывали свою силу.

— Ты мне не указ, старуха, — сказал Дурен. Голос у него стал ниже, вязче. — Она моя жена. По закону моя. И где она — решать мне.

— А вот тут ты неправ, — Гленда говорила спокойно, но я слышала в ее голосе железо. — По закону она человек. А не вещь. И где ей быть — она сама решает.

— Сама? — Дурен хмыкнул. — Хромая дура, которая ничего не понимает в жизни?

— Хромая, — согласилась Гленда. — А вот дура — не факт. Я, знаешь ли, с дурами дел не имею.

Снова тишина.

— Это не твое дело, что происходит в семье между мужем и женой, — сказал он наконец. — Ты даже ей не мать. Чужая ты ей. Никто.

— Никто, — согласилась Гленда. — А вот ты — муж. И что же ты, муж, с женой сделал, что она у чужих людей прячется?

— Не твое дело, — повторил Дурен, но в голосе его появились виноватые нотки. — Семейное дело.

— Ага. Семейное. А ребра сломанные, видимо, от любви. Так сильно обнимал.

— От тебя, старуха, все и пошло. Она пропадает неизвестно где и нахваталась глупостей всяких.

— Это каких таких глупостей? Как людям помогать, как лечить? Это для тебя глупости?

— Про развод, — буркнул Дурен, — Не хотел я ее бить. Перепил вчера.

— Иди, Дурен, — сказала Гленда устало. — Иди проспись. Завтра придешь, если не передумаешь.

— Я не уйду без нее.

— Уйдешь.

— И думать забудь! — заорал Дурен вдруг, — Слышишь, Мариска! — крикнул он громко, в сторону моей комнаты, — Про развод думать забудь! Ты моя жена! На всю жизнь! И никто тебя у меня не отнимет!

Я зажмурилась.

— Убирайся, — сказала Гленда громко. — Убирайся, пока я собак не спустила.

— Нет у тебя собак.

— А это мы сейчас проверим.

Снова тишина. Потом шаги — тяжелые, злые, удаляющиеся. Скрип снега. Стук калитки. И тишина.

Как же я была благодарна Гленде, что она его не пустила. Я не хотела его видеть. Не хотела и не могла.

— Разбудил тебя, милая, — Гленда подошла ко мне.

Она села на край кровати, улыбнулась, убрала волосы с моего лица.

— Спасибо, — поблагодарила ее.

— За что?

— За все. За то, что не пустили. За то, что заступились. За... все.

Гленда покачала головой.

— Глупая. За что тут благодарить? Я свое дело делаю.

— Неправда, — сказала я. — Вы делаете больше, чем должны.

Женщина относится ко мне лучше родной матери.

Мать всегда была ко мне холодна.

Я не помню, чтобы она меня обнимала. Не помню, чтобы целовала на ночь или гладила по голове, когда я плакала. Она кормила меня, одевала, лечила, когда я болела, но делала это так, будто выполняла тяжелую, неприятную работу. Будто я была не дочерью, а обязанностью, которую на нее повесили.

Зато младшую сестру Аниру она любила.

Я видела это каждый день. Анире доставались все лучшее. Анире — новые платья, а мне — перешитые из старых материнских. Аниру мать звала «доченька», «ласточка», «зоренька ясная». Меня — просто «Мари». Иногда — «хромоножка», если была не в духе.

Я всегда думала, что это из-за увечья.

Я старалась все делать лучше, чтобы угодить родителям.

И у меня получалось.

Стряпать я научилась раньше Аниры. Мать показывала раз — я запоминала, схватывала на лету, руки сами делали как надо. Тесто выходило пышное, пироги румяные, щи наваристые.

Шить я тоже научилась быстро. Пальцы были тонкие, чуткие, они сами находили ритм, нитка ложилась ровно, плотно, без узелков и утолщений.

А потом я научилась читать и писать.

Сама. Подбирала буквы, складывала их в слова, спрашивала, что значит то или иное.

Я легко читала и писала, а у Аниры это с трудом выходило. Мать утешала ее: «Ничего, доченька, не всем же учеными быть, ты у меня красавица, замуж выйдешь, муж за тебя все бумаги напишет».

А мне никто не говорил, что я красавица. Мне говорили: «Учись, грамотейка, может, хоть это в жизни пригодится, раз нога никуда не годится».

Я думала, они оценят.

Я мечтала, что мать посмотрит на меня и скажет: «Какая у меня умная дочка». Я думала, отец погладит по голове и похвалит.

Но они не похвалили.

Они просто приняли это как должное. А когда Анира расплакалась от зависти — мать запретила мне читать при ней. «Не выставляйся, — сказала она. — Не порти сестре настроение».

Я спрятала книги.

Я научилась быть тихой. Незаметной. Хромой тенью, которая скользит по дому, стараясь никому не мешать. Я делала всю работу по дому, пока Анира сидела сложа руки. Я вставала затемно, ложилась за полночь. Я терпела.

И однажды я смирилась.

Не знаю, когда это случилось. Может, в тот день, когда мать отдала Анире мое новое платье — потому что «ей на ярмарку ехать, женихов смотреть, а тебе-то зачем, все равно дома сидишь». Может, когда отец в очередной раз назвал меня калекой. Может, когда Анира, смеясь, дернула меня за косу и сказала: «Хромая уродина».

Я смирилась.

Но дыра в сердце осталась.

Она не затянулась, не заросла, не перестала болеть. Я просто научилась жить с ней. Замазывала ее тишиной, затыкала работой, заливала слезами, которые никто не видел.

А потом я вышла замуж за Дурена.

И дыра стала больше.

Потому что он бил именно туда. В самое больное. В то место, где уже ничего не росло, где земля была мертвая, выжженная. Он бил и приговаривал: «Никому ты не нужна, хромая. Никому, кроме меня».

Я понимала, что мне все равно предстоит с ним встретиться.

Это неизбежно. Как зима после осени. Как слезы, когда уже неумоги. Он придет снова.

Но я знала одно: отступить я не собиралась.

Я натерпелась.

Хватит!

Эти слова стучали в висках в такт сердцебиению. Я повторяла их про себя. Хватит терпеть кулаки. Хватит терпеть унижения.

Я окончательно решила развестись, и как только мне станет лучше, то сообщу ему об этом.

После вчерашнего — ничего не изменится!

ГЛАВА 6

МАРИ

Дурен приходил каждый день.

Я слышала его голос через дверь: то требовательный, то жалобный, то злой. Он стучал кулаком в косяк, пинал крыльцо, кричал, что имеет право, что я его жена, что Гленда не смеет ему препятствовать. А Гленда стояла на пороге — маленькая, сутулая, с клюкой в руке — и не пускала.

— Придешь, когда она сама захочет, — говорила она спокойно, — А пока иди проспись, протрезвей, подумай головой, а не тем местом, которым пьешь.

К концу недели я уже могла сидеть. Потом вставать и ходить по комнате, держась за стену. Затем потихоньку выходить на крыльцо, дышать холодным мартовским воздухом.

Тело ныло. Ребро напоминало о себе при каждом резком движении. Синяки желтели, бледнели, уползали под кожу, но боль оставалась — тупая, ноющая, привычная. Я смотрела на себя в маленькое мутное зеркальце Гленды и не узнавала: осунувшееся лицо, запавшие глаза, бледность, сквозь которую проступала синева под глазами.

— Красавица, — говорила Гленда, замечая мой взгляд, — Поправишься и еще краше будешь.

Я не верила, но кивала.

Спустя неделю он перешагнул порог этого дома.

Я готовилась к этому разговору все семь дней. Лежала и прокручивала в голове слова, которые скажу.

— Мариса... — замер он посередине комнаты.

Голос у него был не тот. Не пьяный, не злой, не требовательный. Растерянный. Он смотрел на меня и, кажется, не верил своим глазам.

Я знала, что он увидел. Не ту Мари, которую он привык видеть дома — тихую, но сильную. Другую. Бледную, исхудавшую, с темными кругами под глазами, с руками, которые все еще дрожали.

У него явно в представлениях все было куда радужнее.

Наверное, он думал, что я отлежусь пару дней у старухи, одумаюсь и вернусь. Что синяки сойдут, обида пройдет, и все станет как прежде. Что я прошу, потому что всегда прощала.

Он не ожидал увидеть меня такой.

— Проходи, — сказала я.

Голос не дрожал. Я тренировалась семь дней.

Мы прошли на кухню.

Это было странно — принимать его здесь, в доме Гленды, где каждая вещь пахла миром, а не страхом.

Я налила чай по кружкам.

Заварила сама — липовый цвет, мяту, зверобой, чуть-чуть меда для сладости. Я поставила кружку перед ним, села напротив.

Он к чаю не притронулся.

Он смотрел на меня. Долго, пристально, изучающе. Я видела, как в его глазах мелькают мысли и он не знает, с какой стороны подступить.

— Когда ты вернешься? — спросил Дурен, наконец. Голос тихий, просительный. — Мне хреново без тебя.

Я смотрела на него.

Это мне хреново.

Тело ноет — каждую ночь я просыпаюсь от боли в ребрах, а душа плачет.

— Я не вернусь.

Он дернулся, вскочил со скамьи. Наверное, хотел подойти, схватить за руку, надавить, заставить.

Я дернулась тоже.

Раньше, чем подумала. Тело сработало быстрее головы — оно помнило. Оно помнило его кулаки, его хватку, его тяжелое дыхание. Я вскочила, отпрыгнула к печи, схватила кочергу — тяжелую, железную, с острым концом — и выставила перед собой.

— Не подходи.

Он замер.

Я видела, как меняется его лицо.

Удивление. Неверие. Он не ожидал. Дурен думал, я буду плакать, просить, может, даже кинусь на шею. Он думал, я слабая. Хромая. Беззащитная.

А я стояла с кочергой в руках и смотрела на него волком.

— Ты чего, Мари? — голос его сорвался, — Я же просто... Я хотел поговорить...

— Говори оттуда.

— Прости меня, — сказал он вдруг.

Я молчала.

— Прости, Мари. Я дурак. Перепил тогда... Утро как в тумане. Вернулся — тебя нет, Гленда не пускает, все говорят, что я тебя чуть не убил. Я не хотел. Я правда не хотел.

Он говорил быстро, сбивчиво, слова насакивали друг на друга.

— Я брошу, — сказал он. — Пить брошу. Совсем. Ни капли в рот не возьму. Я обещаю.

Я смотрела на него и понимала: не верю.

Ни одному слову.

Я уже слышала это. После первого раза, когда он ударил меня в живот за «недосоленные» щи. После второго, когда вывихнул мне руку. После третьего, четвертого, десятого. Каждый раз он обещал. Каждый раз просил прощения. Каждый раз я верила.

И каждый раз все повторялось.

— Мари, — он шагнул ко мне.

— Стой! — кочерга дрогнула в моих руках, — Не подходи!

— Мари, милая, я же люблю тебя...

— Не надо, — сказала я.

Голос мой прозвучал тихо, но твердо. Я смотрела на него — на этого красивого мужчину, и не чувствовала ничего, кроме ненависти.

— Я не вернусь, Дурен. Сколько бы ты ни обещал. Как бы ни просил. Никогда.

— Мари...

— Уходи.

Он смотрел на меня долго. Потом перевел взгляд на кочергу, на мои побелевшие пальцы, сжимающие железо. На Гленду, которая, видимо, услышав шум, пришла ко мне на помощь, и сейчас стояла в дверях, готовая в любой момент вмешаться.

— Ты пожалеешь, — сказал он тихо.

— Может быть.

— Кому ты нужна, кроме меня?

Я улыбнулась. Впервые за этот разговор улыбнулась.

— Себе... Себе нужна.

Он не нашелся что ответить.

Повернулся и вышел.

Я опустила кочергу. Ноги подкосились, и я села на лавку.

— Мари, — Гленда подошла ко мне, — Ты как?

— Я... я не знаю.

— Он ушел. Ушел, слышишь?

— Слышу.

Я смотрела на дверь. Она была закрыта. За ней была улица, снег, холод, а еще дальше — наш дом, пустой, темный, без меня.

Я не вернусь.

Я сказала это вслух. И теперь это стало правдой.

— Молодец, — Гленда гладила меня по голове, — Умница моя. Справилась.

Да, я выстояла.

Я сказала то, что должна была сказать. И теперь, что бы ни случилось дальше, я уже не та хромая жена, которая боялась поднять глаза.

Но оказалось, это было только первое сражение.

И еще немного визуалов, если не грузит заходите в тг или вк, добавлю туда

ГЛАВА 7

МАРИ

Я сказала Дурену правду. Мне не нужны больше мужчины.

Я хочу быть одна.

Не потому, что меня никто не возьмет. Не потому, что я никому не нужна. А потому что я сама так хочу. Впервые в жизни я чего-то хотела по-настоящему! Не для того, чтобы угодить или заслужить чью-то любовь!

Я хочу быть одна. Для себя.

Хочу просыпаться по утрам и не вздрагивать от звука шагов. Хочу сама решать, что мне есть, что надевать, куда идти. Хочу, чтобы мое тело принадлежало только мне, и чтобы никто не смел прикасаться к нему без моего желания.

Я хочу жить.

По-настоящему.

Да, я бы хотела себе ребеночка, девочку...

Маленькую, с пухлыми ручками, с темными волосиками, с глазами — неважно какими, лишь бы смотрели на меня с любовью. Я бы заплетала ей косы, учила бы читать и писать, рассказывала бы о травах.

Я бы любила ее.

Так, как меня не любили.

Вряд ли после всего я смогу родить, не хочу, чтобы ко мне прикасался мужчина... но сирот много... Быть может, потом, когда я смогу подняться и устроить свою жизнь, когда я стану самостоятельной, мне позволят взять малышку из приюта.

Мы сидели с Глендой молча. Я думала о будущем. Оно было еще неясным, но впервые в жизни теплилась надежда. Я не знала, что меня ждет. Не знала, вернется ли Дурен, примет ли деревня, получится ли у меня стать травницей, смогу ли я когда-нибудь взять ребенка.

Но я знала одно.

Я больше не хочу быть жертвой.

Я хочу быть хозяйкой своей жизни. Хочу сама решать, что хорошо, а что плохо. Хочу работать, лечить, помогать. Хочу, чтобы меня уважали — не за красоту, не за ровные ноги, а за дело, за ум, за доброту.

Я хочу быть собой.

— Гленда, — позвала женщину, тоже пребывающую в своих мыслях.

— Что?

— Я останусь у вас. Насовсем. Если вы не против.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Потом улыбнулась светло, по-матерински.

— Я только за, — сказала она. — Давно ждала, когда ты это скажешь.

Я улыбнулась в ответ.

Но на следующий день нашу идиллию разрушили.

— Мариса, ты что совсем с ума сошла?! Ты зачем нас позоришь?! — к нам пришла моя мать.

Она не приходила всю эту неделю.

Семь дней. Семь долгих дней и ночей, пока я лежала при смерти, пока Гленда выхаживала меня травами и молитвами, пока Дурен орал под дверью — мать молчала. Она жила в получасе ходьбы от дома Гленды.

И не пришла.

Ни разу.

А теперь пришла. И первое, что сказала — не «доченька, как ты?», не «жива ли?», не «что болит?». Первое, что она сказала — «ты зачем нас позоришь?».

— Здравствуй, Индира, — спокойно сказала Гленда. Она стояла у печи, помешивала варево в горшке и даже не обернулась. — Давно не виделись. Чай будешь?

— Ничего мне не надо от тебя, старая, — отрезала мать, — Я к дочери пришла. Поговорить.

Мать поджала губы и прошла в комнату, села на табурет напротив моей лавки.

— Ну, чего молчишь? — спросила она, глядя на меня в упор, — Язык проглотила?

— Мам, — сказала я тихо. — Ты знала, что меня избили?

Она отвела глаза.

— Знаешь ведь, — продолжала я. — Вся деревня знает. А ты не пришла.

— А что я должна была прийти? — мать вскинулась. — Дело семейное, мужнее. Не мне в чужие дела лезть.

— Чужие? — я не узнавала свой голос, — Я тебе чужая?

— Ты замужняя, — отрезала мать. — У тебя своя семья. У меня своя. Я не лезу.

— А если бы он меня убил?

— Не убил же, — буркнула она.

Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри поднимается что-то темное, тяжелое. Не обида — хуже. Разочарование. Окончательное, бесповоротное.

— Мариса, — мать снова заговорила, и голос ее набирал силу, — ты что творишь? Люди говорят, ты от мужа ушла. К старой травнице перебралась. Разводом грозишься. Ты понимаешь, какой позор на нашу семью навлекаешь?

— Позор? — переспросила я.

— А то! — мать всплеснула руками. — Что люди скажут? Жена от мужа сбежала. Значит, плохая жена. Значит, не удержала. Значит, сама виновата.

— Я виновата?

— А кто? — мать смотрела на меня в упор, — Мужик работает, устает, ему нужен дом, уют, покой. А ты что? По чужим домам шляешься, с Глендой этой возишься, людей лечишь — кому это надо?

— Людям надо, — сказала я тихо.

— Люди сами о себе позаботятся, — отрезала мать, — А ты о муже должна заботиться. Он тебя взял, хромую. Никто не брал, а он взял. Ты должна бога молить за него, а не нос воротить.

Я смотрела на нее и не верила своим ушам.

— Ты знаешь, что он со мной сделал? — спросила. — Знаешь, как бил? Знаешь, что я полдня одна пролежала, кровью истекала?

— Знаю, — мать дернула плечом. — Дурен приходил, рассказал. Говорит, перепил немного, сам не рад. Каялся, прощения просил. Обещал больше не пить. Чего тебе еще надо?

— Чего мне надо? — я задохнулась. — Чтобы он меня не убил, вот чего!

— Не убьет, — отмахнулась мать. — Сказал же — кается. Мужики все такие. Побьют — покаются. А ты прости и живи дальше. Все так живут.

— Я не хочу так жить.

— А как ты хочешь жить, Мариса? Здесь, у старухи? Ни кола, ни двора, ни мужа, ни детей. Кто ты будешь? Хромая перестарка, приживалка при травнице. Люди пальцем показывать будут. Наши же, деревенские, засмеют. Анире скоро замуж выходит.

В этом и была главная причина того, что она пришла. Она волновалась за сестру.

— Завтра же, чтобы к мужу вернулась!

— Нет, мама. Я не вернусь.

Она замерла. Видимо, не ожидала отказа. Я всегда была послушной. Всегда делала, что скажут. Всегда молчала и терпела.

А теперь — нет.

— Мариса... Не заставляй отца приходить и тебя за шиворот к мужу тащить.

ГЛАВА 8

МАРИ

Отца я боялась. Потому что он действительно мог за шиворот притащить меня к Дурену. И Гленда его не остановит.

Она смелая, моя Гленда. Она Дурена на порог не пускала, с матерью переругалась, соседям зубы заговаривала. Но против отца она бессильна.

Поэтому весь вечер я себе места не находила.

Солнце село, а я сидела у окна и смотрела на дорогу, пока окончательно не стемнело. Но и после я вздрагивала от каждого шороха в доме и во дворе.

Но отец не пришел ни вечером, ни утром.

А явился сам Дурен.

Муж выглядел иначе. Приоделся в светлое, расчесался, бороду подстриг и напоминал того мужчину, которым приходил ко мне свататься.

И в руках у него был букет.

Полевые цветы. Самые простые, но которые я любила. Те самые, что он перестал мне дарить после трех месяцев семейной жизни.

— Марис... — сказал он тихо.

Голос у него был не пьяный, не злой, не требовательный. Обычный. Даже мягкий.

Он протянул мне букет.

— Прости меня. Не могу я без тебя, — сказал он. — Дома пусто, аж душу разрывает от тоски. Прихожу — никого. Ложусь — ты не рядом. Есть готовить некому, рубахи стирать некому, поговорить не с кем.

Он вздохнул, провел рукой по волосам.

Я молчала.

Цветы пахли луговой травой и утренней росой. Я не спешила принимать их.

— Два дня ни капли во рту не было. И не будет. Хочешь — поклянись. Чем хочешь...

— Дурен...

— погоди, дай скажу, — перебил он, — Я понимаю, что натворил. Понимаю, что дурак. Что руки распускал. Не должно так быть. Я... я не знаю, что на меня находило. Водка проклятая. Ты же помнишь, каким я был, когда сватался? Помнишь?

Я помнила.

— Вот таким я и буду, — сказал он, — Обещаю.

Я молчала, а он смотрел на меня и ждал.

— Марис, — сказал он осторожно, будто пробовал имя на вкус, — Ну хочешь и дальше работай с этой старухой. Я не против. Правда.

Я подняла голову.

— Работай, — повторил он. — Ходи к Гленде, помогай людям, собирай свои травы. Я не буду запрещать. Только вечерами дома будь. Чтобы я знал, что ты есть. Чтобы не сходить с ума от мыслей, где ты и с кем.

Я смотрела на него и не верила.

— Я все понял. Понял, что без тебя не могу. Что готов на все, лишь бы ты вернулась. Хочешь — на колени встану? — он усмехнулся, но в глазах была такая тоска, что у меня защемило сердце. — Хочешь, при всех извинюсь? Скажу, что дурак, что скотина?

— Не надо при всех, — тихо сказала я.

— А как надо? Ты скажи. Я все сделаю.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разгорается пожар. Самый страшный — из противоречий. Потому что с таким мужчиной даже как-то сложнее разговаривать.

Когда он злой, когда он пьяный, когда он орет и размахивает кулаками — все просто. Его можно ненавидеть. Можно бояться. Можно хотеть убежать и забыть, как страшный сон.

А когда он такой, то просыпается та дура, которая год назад поверила ему в первый раз. Которая хочет верить снова. Которая шепчет: «А вдруг? Вдруг правда? Вдруг он понял?»

И эту дуру приходится убивать снова. Каждым словом. Каждым воспоминанием о том, как он бил.

— Нет, Дурен. Давай разведемся.

Он замер. Цветы в его руках дрогнули, я заметила, как сжались пальцы на стеблях.

— Ты найдешь себе другую жену, — продолжала я, — Здоровую. Красивую. Которая родит тебе сына. Которая будет встречать тебя с ужином и не пропадать по чужим домам.

— Мари...

— Я тебя не держу. И ты меня не держи.

Он смотрел на меня долго. Очень долго.

— А ты, значит, другого мужа найдешь?

Голос изменился. Стал ниже. Тот самый голос, который я знала слишком хорошо. Голос, с которого начинался каждый скандал.

— Другого нашла? — он шагнул ко мне. — Пока у старухи пряталась, присмотрела кого? А, Мариска? Кузнеца? Или, может, сынка его?

Ну вот, а говорит изменился.

Все также реагирует. Все также придумывает то, чего отродясь не было. Все также ищет виноватых, только не в себе.

Я отступила на шаг.

— Никого я не искала, Дурен.

— Врешь.

— Не вру.

— А чего тогда от меня бежишь? — он повысил голос, — Чего развод просишь, если никого нет?

Я никогда не засматривалась на других мужчин, и даже лишний раз с ними не разговаривала. Я боялась, что ему кто-то расскажет. Что донесут, нашепчут, приукрасят. А он поверит. Он всегда верил самым худшим слухам, самым грязным сплетням. И каждую такую сплетню потом выбивал из меня кулаками.

— Я не вернусь, Дурен, — сказала твердо.

Глаза его потемнели.

— А ну, иди сюда.

Гленда сегодня ушла к заболевшему ребенку, хотя она не хотела оставлять меня одну. Но все же пришлось. Не сидеть же меня охранять весь день. Она и так много для меня сделала. Да и опасно это для нее.

Гленда долго колебалась, но я заверила, что сама справлюсь.

Я отступила еще на шаг. Рука сама потянулась к печи, туда, где стояла кочерга. Та самая, которой я грозила ему в прошлый раз. Тяжелая, железная, с острым концом.

— Не подходи, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Опять за старое?

— Не подходи, Дурен.

Он шагнул ко мне. Я рванулась к печи, схватила кочергу, развернулась, замахнулась, но он был быстрее. Перехватил мою руку, отбирая кочергу и отбрасывая на пол.

— Удумала она! — прорычал он мне в лицо, — Ты жена моя и идешь домой. Погостила — пора и честь знать.

— Отпусти!

Он не отпустил. Наоборот — дернул меня к себе, перехватил поудобнее и закинул на плечо. Как мешок с мукой.

— Отпусти меня! — закричала я.

Я замолотила его по спине кулаками. Била сильно, отчаянно, вкладывая всю злость, весь страх, всю боль, которые копились год. Но что мои кулаки против его спины?

— Помогите! — закричала я. — Люди! Помогите!

— Ори-ори, — сказал Дурен. — Никто не придет. Все знают: муж жену забирает. Дело святое.

Он толкнул дверь плечом. Мы вышли на крыльцо. Холодный воздух ударил в лицо, но я не чувствовала его. Я чувствовала только его руку на своей спине, прижимающую меня к его плечу.

— Отпусти!

Он засмеялся.

— Бей-бей, — сказал он. — Дома посчитаемся. Развод она захотела. Кто тебе его даст?!

Улица. Люди. Я видела их краем глаза — соседка с ведром замерла, глядя на нас. Мужик у своих ворот остановился, козу придерживая. Дети играли в снегу и замерли, раскрыв рты.

— Помогите! — крикнула я. — Пожалуйста!

Никто не двинулся.

Соседка опустила глаза и пошла дальше. Мужик отвернулся, дернул козу за веревку. Детей кто-то окликнул из дома — они убежали, даже не оглянувшись.

— Видишь? — сказал Дурен, — Все всё понимают.

Я перестала бить.

Не потому, что сдалась. Потому что поняла: бесполезно. Здесь, в этой деревне, он прав. Муж имеет право. Никто не встанет между мужем и женой.

Дурен прошел со мной по улице, свернул к нашему дому.

Он внес меня внутрь, бросил на кровать.

Я ударилась спиной, охнула, попыталась вскочить. Он навалился сверху, прижал к перине своим весом.

— Куда?

— Пусти!

— Не пущу.

— Ты обещал, — выдохнула я. — Цветы принес. Измениться обещал.

— А я изменюсь, — он усмехнулся, — Только ты мне для этого нужна. Дома. Под боком. Чтобы знал, что ты есть.

— Убить меня хочешь?

— Зачем убивать? — он наклонился ближе, задышал в лицо. — Ты мне нужна, Мари. Живая. Теплая. Моя.

— Я не твоя.

— Моя, — сказал он. — По закону моя. По божьему закону. И по-человечески тоже. Но вот, если узнаю, что ты себе кого-то нашла... То убью сначала его, а потом и тебя.

Дорогие мои! С Праздником вас!

Весны в душе и гармонии в сердце!

Продочки будут выходить через день.

ГЛАВА 9

МАРИ

Утром, когда Дурен ушел на работу, я побежала в храм.

Вчера мне удалось избежать близости с ним.

Я сказала, что мне нельзя после его побоев. Что у меня еще кровотечения, что Гленда велела беречься, что если он тронет меня сейчас — может вообще детей не быть никогда. Я говорила тихо, спокойно, глядя ему прямо в глаза.

Он слушал. Хмурился. Но не тронул.

Будь он пьян, вряд ли бы его это остановило.

Но вечером он был трезв. И хоть это мне помогло.

Но сколько это продлится? День, два, неделю? А вдруг он явится прямо сегодняшним вечером пьяным? Например, отметит наше «воссоединение» или подвернется любой другой повод? Я не хотела оттягивать и жить в страхе, и поэтому как только за ним закрылась дверь, я начала собираться и отправилась в храм узнать о разводе.

Полночи меня терзали мысли.

Я уже и не думала, что буду спать снова в этой кровати. Рядом с Дуреном. Он крепко обнимал меня, прижимая к своей горячей груди, а мне хотелось скинуть его руки и лучше лечь на пол. Но стоило мне убрать его руку, как муж начинал шевелиться и притягивал меня сильнее к себе, словно боясь, что я убежу. А я бы и убежала.

А как он проснулся, сел за стол и стал ожидать завтрак.

— Мариса, знаю, что ты не спишь уже. Давай готовь завтрак мужу.

Я встала, зло на него посмотрела, села напротив.

Он усмехнулся.

— Все же плохо я тебя воспитывал, раз такая упертая.

— Я тебе сказала, найди другую и воспитай правильно. А меня забудь как страшный сон.

— Не говори глупостей. Мне другая не нужна. Детей тебе нужно и вся дурь из головы выйдет, — заладил он старую пластинку.

С ним бесполезно говорить. Я пойду в храм и попрошу развода. Я ждала этого момента с той самой минуты, как вчера мы легли спать, как поняла, что снова в ловушке. Я лежала в темноте, слушала его дыхание и думала только об этом.

Храм был на другом конце деревни. Так что шла я долго.

Нога болела невыносимо. Каждый шаг отдавался в бедре, в пояснице, в ребрах, которые все еще ныли. Снег под ногами то проваливался, то скользил, и я хромала сильнее обычного, ловя на себе взгляды редких прохожих. Бабы у колодца проводили меня глазами и зашептались. Я не слышала, о чем они, но догадывалась: «Вон хромая Дуренова пошла. Опять видимо сбегает.» Сплетни по деревне разлетаются быстро.

Тело болело, а нога будто одеревенела вовсе. Я почти не чувствовала ее, только тяжесть, только тупую пульсирующую боль при каждом шаге. Но я шла. Потому что откладывать нельзя.

Я шла и вспоминала.

Гленда прибежала под вечер. Я услышала ее голос еще с улицы. Она кричала, ругалась, требовала, чтобы еепустили. Дурен стоял на пороге, загородив дверь, и не пускал.

— Нечего тебе здесь делать, старая, — говорил он. — Она дома, с мужем. Иди отсюда.

— Пусти меня к ней! — кричала Гленда. — Я должна видеть, что она жива!

— Жива, жива. Не твое дело.

Дурен ее не пускал на порог, как в свое время она его.

Я встала и пошла к двери.

— Мари, сиди! — рявкнул Дурен, когда услышал мои шаги.

Я не послушалась. Подошла, оттеснила его плечом и вышла на крыльцо.

Гленда стояла передо мной маленькая, сторбленная, в своем сером платке. Глаза у нее были красные, щеки мокрые от слез.

— Жива, — выдохнула она. — Жива, слава тебе, Богиня.

— Жива, — сказала я.

Мы смотрели друг на друга. Между нами стоял Дурен, тяжелый, злой, готовый в любой момент захлопнуть дверь.

— Уйдешь к ней, я тебя снова принесу, — заявил он мне в спину. — Волоком притащу. И запру. На ключ.

Я не обернулась.

— Я завтра пойду в храм, — прошептала я Гленде. Тихо, одними губами, чтобы он не услышал.

Она кивнула. Глаза ее наполнились болью.

— Тяжело будет, — также тихо ответила она. — Очень тяжело. Жрец на твою сторону не встанет.

— Я знаю.

— Но ты попробуй, — она сжала мою руку. — Попробуй, девонька.

Дурен схватил меня за плечо, рванул назад.

— Хватит шептаться. Иди в дом.

Я успела увидеть лицо Гленды. Оно было печальным. И я знала отчего.

Получить развод не так просто, если того не желает муж.

Особенно в деревне. Особенно для женщины. По закону, по обычаю, по людской молве — муж всегда прав.

Гленда это знала. Я это знала. Все это знали.

Но у меня были весомые причины.

Я надеялась, что главный жрец пойдет мне навстречу.

Я шла к храму и повторяла про себя, как молитву: «Я имею право. Я человек. Я не вещь. Я имею право».

Добравшись до храма, я замерла.

Он стоял передо мной — белокаменный с резными дверьми. Таким же, как год назад.

И вдруг такая нерешительность напала на меня.

Ноги приросли к земле. Руки задрожали. Сердце оголтело заколотилось. Я стояла перед этими дверями и не могла сделать шаг.

Нет, я не передумала разводиться.

Просто обида и горечь сдавили грудь.

А слезы навернулись на глаза.

Я вспомнила нашу скромную свадьбу в этом храме. Я в белом платье с полевыми цветами в волосах. Дурен в белой рубаше, подстриженный, красивый, с ямочкой на подбородке. Он смотрел на меня и улыбался. А я была счастлива.

Я думала, что все будет хорошо. Что я наконец-то нужна. Что у меня будет свой дом, своя семья, свои дети. Я представляла, как принесу сюда своего первенца для записи. Как жрец помажет его священным маслом. Как Дурен будет стоять рядом, гордый. Как мы будем жить долго и счастливо.

Глупая.

А теперь вот она я. Стою у дверей храма и собираюсь просить развод. Просить, чтобы этот же жрец, который венчал нас, разорвал то, что соединил. Чтобы признал: брак был ошибкой. Чтобы освободил меня.

И вдобавок стало стыдно.

Потому что я вспомнила, какие черные мысли охватили меня ночью.

Я думала, а что если подсыпать что-то Дурену. И сегодня тоже, когда готовила чай на завтрак. До чего же он меня довел...

Но мысль — она была. Черная, липкая, страшная. И теперь, стоя перед храмом, я чувствовала стыд. Как я могла думать о таком? Как я могла стать той, кто решает — жить человеку или нет?

— Богиня, прости меня, — прошептала я. — Я не хотела. Я просто боюсь.

Слезы текли по щекам. Я вытирала их рукавом, но они текли снова.

Я все же зашла.

Прежде чем подойти к жрецу, я подошла к статуе Богини.

Она возвышалась надо мной с грустными глазами и с руками, протянутыми к людям. Лицо Ее было спокойным и печальным. В полумраке храма казалось, что Она смотрит прямо на меня, сквозь меня, в самую душу.

Я опустилась на колени.

Прежде чем подойти к жрецу, я помолилась, попросила Богиню простить меня и помочь. Ведь без ее помощи действительно будет сложно. Но я верила.

Моя жизнь никогда не была сказкой, но я не роптала.

С самого детства — хромота, холод материнского взгляда, вечное чувство, что я лишняя. Потом замужество, которое оказалось хуже одиночества. Побои.

Даже когда было невыносимо, я не спрашивала: «За что мне это?» Просто жила. Просто терпела. Просто ждала. Чего? Сама не знала.

А теперь, стоя на коленях перед Богиней, я вдруг поняла: я ждала этого момента. Момента, когда смогу сказать: «Я больше не буду терпеть. Я хочу жить. По-настоящему».

— Помоги мне, — прошептала я, — Пожалуйста.

Ответом мне была тишина.

Я постояла еще немного на коленях, потом с трудом поднялась. Нога затекла, тело ныло, но на душе стало чуточку легче. Как будто я разделила свою ношу с кем-то, кто не осудит и не предаст.

Я оглядела храм.

В глубине, у алтаря, я заметила движение. Там сидела женщина в сером платье — помощница жреца. Она перебирала свечи, складывала их в корзину.

Я подошла к ней.

— Простите, — сказала я тихо, — Мне нужно поговорить с главным жрецом. Это очень важно.

Женщина подняла голову. Лицо у нее было простое, доброе, с мелкими морщинками у глаз. Она посмотрела на меня: на мое заплаканное лицо, на дрожащие руки и ничего не спросила, а лишь кивнула.

— Подожди здесь, — сказала она, — Я схожу, спрошу.

Она не стала спрашивать причину. Не стала выпытывать, зачем я пришла, что случилось, почему я плачу. Просто выполнила мою просьбу.

Я села на скамью у стены, сложила руки на коленях. Смотрела на статую Богини, на мерцающие огоньки свечей, на светлые своды потолка. Сердце постепенно успокаивалось, дыхание выравнивалось.

Я думала о том, что сейчас скажу.

Минуты тянулись медленно. Наконец, дверца, за которой скрылась женщина, скрипнула. Она подошла ко мне.

— Иди. Жрец Игний тебя ждет.

Я встала. Ноги дрожали.

— Спасибо, — сказала я.

— Богиня с тобой, — ответила она просто.

И я пошла.

Комната оказалась небольшой. Узкое окно пропускало достаточно света, освещая полки с книгами, простой деревянный стол и мужчину за ним. Жрец Игний поднял голову от свитка, который читал, и посмотрел на меня.

Он был нестарым — лет сорок, может, чуть больше. Лицо худое, аскетичное, с глубокими складками у губ. Глаза светлые, пронзительные, такие, что под их взглядом хотелось опустить ресницы и признаться во всем сразу. Длинные темные волосы убраны назад, одежда простая, без украшений.

— Садись, — сказал он, указывая на скамью у стены.

Я села. Руки сжала на коленях, чтобы не дрожали.

— Ты Марисия, жена Дурена? — спросил он без предисловий.

Я кивнула. Удивляться, что он знает, не приходилось — в маленькой деревне все всех знают. А уж жрец тем более в курсе всех дел.

— Зачем пришла?

Я глубоко вздохнула.

— Я хочу развод.

Он не удивился. Вообще никак не изменился в лице. Только отодвинул свиток в сторону и сложил руки перед собой.

— Говори.

И я сказала.

Сначала сбивчиво, потом ровнее. О том, как Дурен пил. О том, как бил, о Гленде, которая выходила меня. О том, как он пришел с цветами, обещал измениться, а потом снова схватил и притащил домой.

— Я боюсь, что он убьет меня, — закончила я. — В следующий раз — убьет.

Жрец Игний слушал молча. Не перебивал, не задавал вопросов, просто смотрел своими светлыми глазами. Когда я замолчала, он долго сидел неподвижно.

— Тяжелая история, — сказал он наконец. — Жалко тебя, дочка.

У меня защемило сердце от этого «жалко». Значит, понимает? Значит, поможет?

— Но развода я тебе не дам.

— Почему? — выдохнула я. — Вы же сами сказали — жалко...

— Жалко, — кивнул он, — Но закон есть закон. Не я его придумал, не мне его менять.

Он встал, подошел к окну, посмотрел на улицу.

— По нашим законам, развод — право мужа, не жены. Муж может отпустить жену, если она ему не угодна. Может прогнать, если изменила. Может требовать развода, если жена бесплодна. Но жена... жена просить не может.

— Почему? — в голосе моем зазвенели слезы.

— Потому что брак — это союз, в котором муж — глава, — сказал он, не оборачиваясь, — Жена — продолжение мужа. Она не может отделиться по своей воле, как рука не может отделиться от тела.

Я молчала, сжимая кулаки.

— Но есть исключения. Я знаю, что женщинам разрешали развод!

— Если муж не выполняет супружеский долг. Если он уходит в монастырь. Если он поднимает руку на жену при свидетелях... но даже тогда — это решает суд, а не жена. И нужны доказательства.

— У меня есть свидетели! — выпалила я. — Гленда видела. Авил с Петром, когда меня везли. Соседи слышали, как он орал...

— Свидетели того, что тебя избили? — жрец обернулся, — Или свидетели того, что ты упала сама? Потому что Дурен скажет — сама упала. И соседи скажут, что не видели, не знаем, не вмешиваемся в семейные дела.

Я прикусила губу.

— Есть еще один случай, — сказал жрец Игний. — Если жена не родила за два года. Тогда развод дают беспрепятственно.

Я подняла голову.

— Два года?

— Два года бесплодного брака, — кивнул он, — Считается, что Богиня не благословила союз, и его можно расторгнуть. Такое бывает. Осуждают, конечно, женщину обычно винят, но... развод дают.

— Два года, — повторила я. — А я прожила только год.

— Значит, еще год ждать, — сказал жрец.

— Год? — я не верила своим ушам, — Вы предлагаете мне год еще терпеть? Год побоев? Год страха? Год, в конце которого он может меня просто убить?

— Я не предлагаю, — голос его стал жестче, — Я объясняю закон.

Я вскочила.

— А если бы я была аристократкой? — вырвалось у меня, — Если бы у меня были деньги и родня? Если бы мой отец пришел к вам и потребовал?

— Если бы ты была аристократкой, — сказал он тихо, — у тебя были бы другие возможности. Деньги. Связи. Право на защиту рода. Аристократки могут просить развода через Совет. Но ты — не она. Для тебя — один закон.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри все обрывается.

— Значит, мне нет спасения?

— Есть, — сказал он, — Через год — приходи. Я дам тебе развод.

— Через год, — прошептала, — Если я доживу.

Он подошел ко мне ближе. Взял мои руки в свои — сухие, теплые.

— Я помолюсь за тебя, дочка, — сказал он, — Богиня видит твою боль. Но закон — это закон. Я не могу его нарушить даже из жалости.

Я выдернула руки.

— Спасибо, — сказала я горько, — Спасибо за молитвы. Они меня точно защитят от его кулаков.

Он вздохнул.

— Иди, Марисия. И помни: год — не вечность. Терпи.

ГЛАВА 10

МАРИСА

Я вернулась домой. Чувствовала себя ужасно. Не успев окончательно выздороветь, слишком много и далеко ходила. Устала села на лавку на кухне, закрывая лицо руками.

Год... Ждать год. И лишь в том случае, если я не забеременею. А если вдруг это произойдет?

Если за это время я понесу — все. Прощай, надежда. Ребенок привяжет меня к нему намертво. Ни один жрец не даст развода матери, потому что ребенок должен расти в семье. И я останусь с ним навсегда — с тем, кто едва не убил, с тем, кого больше не люблю. Кого ненавижу!

Нет-нет...

Как бы я ни желала ребенка, но родиться с таким отцом... Этого я не могла позволить. Не могла обречь невинную душу на жизнь с Дуреном. Не могла дать ему в руки новую жертву.

Я подняла голову и посмотрела на шкаф.

Там, на верхней полке, стояли мои травы.

Я слышала, как одна девушка просила у Гленды.

Молодая, совсем еще девочка, из соседней деревни. Пришла под вечер, пряча лицо, шептала что-то сбивчивое, а Гленда слушала и качала головой. Я тогда была на кухне, готовила отвар, но слышала обрывки.

— ...не могу больше, — шептала девушка. — Каждую ночь. Я устала. Сил нет. А он не понимает, ему все равно, он хочет и хочет...

Я тогда не придавала значения. Мало ли что бывает в чужих семьях. А теперь...

И самой пить и Дурену подсыпать для ослабления мужской силы. Только бы он не узнал. Он чай пить не любит, не так просто ему будет их дать.

Я не пошла сегодня к Гленде.

Просто не смогла. Не хватило сил идти к ней, смотреть в ее добрые глаза и рассказывать, что развода не будет. Что жрец отправил меня терпеть еще год.

Она и так слишком много для меня сделала. Рисковала, ругалась с Дуреном, vyhаживала меня, тратила свои травы и время. А я пришла бы сейчас и сказала: «Все зря. Я остаюсь. Мне нужно продержаться год».

Я не могла.

Я наивно надеялась, что все же получу развод.

Всю дорогу до храма я убеждала себя, что жрец войдет в положение.

Но я не аристократка. Тем позволено больше. Аристократки могут просить развода. Могут уйти от мужа, если он жесток. Могут потребовать защиты у Совета. У них есть право голоса, право выбора, право на жизнь.

Мы же полностью зависимы от мужчин.

Ведь в нашей крови нет драконьей искры.

Как же нечестно! Почему закон так несправедлив?!

Мы такие же женщины. Мы так же любим, так же боимся, так же страдаем.

Почему драконья искра решает, достойна ли ты нормальной жизни?

Богиня, зачем ты разделила нас?

Погоревав над своей судьбой, я начала готовить ужин.

Руки делали привычное дело сами — чистили картошку, резали мясо, зажигали печь, ставили чугунок.

К вечеру явился Дурен.

— Мариса! — закричал он с порога.

Он влетел в кухню, широко улыбаясь, и я сразу заметила — что-то не так. Глаза блестят, щеки покраснелись, движения размашистые.

— Мариса, — обнял меня, проходя в кухню, даже не разуваясь. Схватил в охапку, прижал к себе, и я замерла, боясь дышать. — Заживем!

От него пахло морозом и еще чем-то... Я вгляделась в его глаза.

А мне показалось, что в его глазах увидела хмель. Или показалось? Может, это просто радость? Может, он правда трезв и просто счастлив?

— Сейчас обмоюсь и все расскажу, — сказал он, отпуская меня.

Он ушел в сени раздеваться, а я осталась стоять у печи, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу.

Через двадцать минут Дурен сел ужинать.

Я поставила перед ним тарелку с тушеной картошкой и мясом, налила квасу.

— Вкусно, — похвалил он, отправляя в рот очередную ложку, — Вот всегда бы так готовила. Умеешь же.

Умею.

Но не хочу.

Я стояла у печи, сложив руки на груди, и смотрела на него. Мне лучше людям помогать, чем готовить ему. Лучше сидеть у постели больного ребенка, лучше собирать травы, лучше месить глину для припарок, чем стоять у этой печи и стряпать для того, кто поднимал на меня руку.

После его побоев желание как-то вкусно накормить мужа пропадает. Напрочь.

— Не спросишь, что случилось? — он поднял на меня глаза, — И сама почему не ешь? Одни кости остались, подержаться не за что.

Он ухмыльнулся своей шутке и придвинул ко мне тарелку с супом.

— Ешь давай.

Я послушно села, взяла ложку. Есть не хотелось, кусок в горло не лез, но я заставила себя проглотить несколько ложек, чтобы не злить его.

— Что случилось? — все же спросила, когда он с ожиданием смотрел на меня.

Я боялась, что ему расскажут, что я ходила в храм. Но на этот случай я приготовила ответ, что ходила просить благословения на ребенка. Врать плохо. Особенно прикрываясь именем Богини... Может, поэтому она мне и не помогает. Потому что мысли мои черны, а планы страшны?

— Арид уходит на пенсию, — сказал Дурен, довольно улыбаясь, — И угадай кому должность главного отдадут?

Я замерла с ложкой у рта.

Арид — его начальник. Старший на лесоповале. Если он уходит...

— Тебе?

— А что так нерадостно? — он нахмурился, но тут же снова расплылся в улыбке. — Ты бы хоть обрадовалась! Главный! Денег больше будет. Дом новый купим, большой, просторный, для детей места хватит.

Он говорил и говорил, распаляясь все больше.

— Я теперь уважаемый человек. Ко мне все по-другому относиться будут. И к тебе тоже. Не посмеют пальцем тыкать, что хромая. Жена главного — это статус. Понимаешь?

Я понимала.

— Заживем теперь, Мариса. Забудем все старое. Начнем сначала. Ты родишь мне сына, мы переедем в новый дом, заведем хозяйство... Тебе не придется подрабатывать... будешь спокойно детьми заниматься.

Я открыла было рот, но заставила себя молчать.

Я сидела и молчала. Кивала. Вот и верь его словам...

— Это хорошо, Дурен, — сказала я тихо, — Я рада за тебя, — соврала.

— Вот видишь. А ты не верила. А я говорил, что все наладится.

Еще больше денег. Еще больше власти. Еще больше уверенности, что он все может. Еще меньше шансов вырваться.

*Дорогие мои, приглашаю заглянуть ко мне в новиночку в соавторстве с замечательной
Николь Фенникс:*

"Доктор Вера. Я исцелю тебя, Дракон!"

<https://litnet.com/shrt/cM2d>

ГЛАВА 11

МАРИ

Через два дня, вернувшись с работы Дурен снова меня «обрадовал».

— Мариса! — крикнул он с порога, — Собирайся!

Я вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Сердце привычно сжалось, каждый его окрик заставлял меня вздрагивать, хотя я училась это скрывать.

— Сегодня вечером идем к старосте на праздник, — объявил Дурен, сияя. — Отмечать мое назначение. Ялай лично пригласил.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри все каменеет.

— Это обязательно? — спросила я тихо.

Лицо Дурена изменилось. Радость померкла, сменилась раздражением.

— В смысле — обязательно? Я тебя приглашаю. Как жену. Ты должна быть рядом. Или ты считаешь, что мое повышение не повод?

— Я не то хотела сказать...

— А что ты хотела сказать? — он шагнул ко мне, — Что у тебя какие-то дела имеются важнее?

Я опустила глаза.

— Я пойду, Дурен. Конечно, пойду.

— То-то же.

Он прошел в комнату, довольно потирая руки.

Я же никуда идти не хотела. А тем более к старосте.

Точнее, не к самому Ялаю. С ним можно было разговаривать, ему можно было смотреть в глаза. Старосту нашего побаивались, но я боялась не его.

А Керена. Его сына. Который непременно будет там.

В последние два раза, когда я его видела, он вел себя странно.

Первый раз — на ярмарке, еще за пару недель, как я ушла к Гленде. Я стояла у прилавка с травами, продавала сборы, а он подошел. Просто так, без дела. Спросил, что это у меня за цветы, от чего помогают, как заваривать. Я отвечала коротко и сухо, стараясь не смотреть в глаза. А он смотрел. Долго. Так, что мне стало не по себе.

А второй как раз совсем недавно, когда лечили его дочь, внучку старостину. Он тогда и вовсе хотел зажать меня на кухне, пока я готовила отвар.

Будто девки в деревне закончились. Про жену его молчу. Родила она ему четверых детей и немила стала. Фигуру потеряла, так он теперь на других с «чистой» совестью засматривается. Потому что имеет право. Потому что мужчина. Потому что сын старосты.

— Мариса, ну хватит обижаться, — Дурен подошел близко, заглядывая в глаза, — Все хорошо теперь у нас будет. Пусть знают, что и должность теперь у меня и какая жена красавица.

Всё противилось этому вечеру. Хотелось остаться дома. Но я должна была идти с Дуреном. На праздник. Где люди расслабятся, где вдруг Керен будет смотреть... Где будет выпивка.

А Дурен обещал бросить. Но сегодня — праздник, его повышение. Вспомнит ли он свое обещание при людях? Я знала, чем кончаются такие вечера.

— Мариса!

Голос Дурена вырвал меня из мыслей. Он стоял в дверях комнаты, уже без рубахи, довольно скалясь.

— Ну чего застыла? Иди собирайся. Надень свое яркое платье.

Я вздохнула.

— Какое?

— Красное. То, что я люблю.

Красное. Которое он купил мне в первую неделю после свадьбы. Яркое, с вышивкой на груди, облегающее. Тогда я обрадовалась — думала, хочет, чтобы я красивой была. А потом поняла: он хочет, чтобы другие видели, какая у него жена. Чтобы завидовали. Чтобы знали: у Дурена есть чем гордиться.

Я носила это платье два раза. Оба раза на праздники. И оба раза ловила на себе чужие взгляды. Оба раза Дурен потом ревновал, злился, обвинял.

— Дурен, может, другое? — осторожно спросила я, — Синее, например?

— Красное, — отрезал он, — Я сказал — красное. Чтобы все видели, какая ты у меня красавица.

Он подошел, взял меня за подбородок, поднял мое лицо к себе.

— Пусть знают, что должность теперь у меня. И жена — загляденье.

Я смотрела в его глаза. Они были трезвыми. Пока трезвыми. И в них горел тот самый огонь, который я видела в первый месяц после свадьбы — собственнический и гордый.

— Хорошо, — кивнула, — Красное.

Он улыбнулся, отпустил, хлопнул по плечу.

— Вот и умница. Собирайся. Через час выходим.

Я пошла в комнату, достала с верхней полки шкафа это платье. Красное, с вышивкой, с глубоким вырезом, который я всегда стеснялась. Разложила на кровати, посмотрела на него.

Оно было красивым. Оно мне нравилось, когда-то...

Я села рядом, погладила ткань. Мысли метались.

Может, сказать, что плохо себя чувствую? Что ребро болит? Что голова кружится?

Нет. Не поверит. Скажет, что притворяюсь. Заставит идти.

Я вздохнула и начала одеваться.

Красное платье село по фигуре, как влитое. Я посмотрела на себя в маленькое мутное зеркальце — бледная, худая, с темными кругами под глазами. Никакая не красавица. Но платье делало свое дело — яркое, притягательное, оно заставляло забыть о моей бледности и худобе.

— Идем, — сказал Дурен, появляясь в дверях.

Он тоже приоделся — чистая рубаша, жилетка, сапоги начищены. Смотрел на меня довольно, даже нежно.

— Красавица, — сказал он. — Моя.

Дом старосты Ялая стоял на пригорке, чуть в отдалении от остальных изб. Добротный, двухэтажный, с резными наличниками и высоким крыльцом. Сразу видно, что здесь живет не простой мужик, а главный. Окна горели огнями, из трубы валил дым, а еще издалека доносились голоса и смех — народу собралось уже немало.

У калитки я замедлила шаг. Но Дурен не терпел промедления, чуть подтолкнул меня вперед для уверенности.

Внутри было жарко и шумно. В большой горнице, куда нас провел сам Ялай, уже толпились люди: мужики с лесоповала, их жены, несколько соседей. Стол ломился от угощений: жареное мясо, соленья, пироги, кувшины с брагой и медовухой.

— А вот и главный виновник! — загремел Ялай, хлопая Дурена по плечу, — Проходи, Дурен, садись на почетное место! Сегодня ты у нас герой!

Дурен расплылся в улыбке, принялся пожимать руки, хлопать по спинам, принимать поздравления. Меня он почти выпустил, только на мгновение обернулся:

— Иди, садись где-нибудь. Я позже подойду.

Я осталась одна в толпе.

Огляделась. Женщины сидели в основном у дальнего конца стола, ближе к кухне, чтобы было удобно выбегать помогать. Туда я и направилась, стараясь не привлекать внимания, скользя вдоль стен, как тень.

Села на краю скамьи, ближе к выходу, сложила руки на коленях. Рядом зашебуршились женщины — зашептались, захихикали. Я не вслушивалась. Смотрела в свою тарелку, где лежал нетронутый кусок пирога, и ждала, когда можно будет уйти.

Краем глаза я видела, как Дурену налили.

Мужики загудели, поздравляя его.

Мы с мужем встретились взглядом. Он широко улыбнулся мне и опрокинул первую рюмку в себя. Я поморщилась, отворачиваясь.

Первая. Потом будет вторая, третья... А потом он перестанет быть милым и веселым. Потом начнется другое.

Рядом женщины зашевелились активнее. Видимо, заметили, что я сижу одна, и решили, что меня надо «обрадовать».

— Мариса, а когда же дети? — запела толстая баба напротив, жена кузнеца, — Пора бы уже. Год почти, а живота не видно.

— Да, сколько тебе уже? — подхватила другая, молодая, с хитрой улыбкой, — Самое время рожать.

— Или боишься, что тоже хромой родится? — вмешалась третья, постарше, — Ты не бойся, вон у Гелтов первый сын дурачок родился, а второй здоровый, да умный.

Я сжала руки под столом.

— Как Богиня даст, — ответила просто, не спеша рассказывать им о том, что происходит в моей постели по ночам. О том, что я боюсь не хромоты.

Я обернулась, когда муж выпивал следующую рюмку.

Вторую. Легко, весело, под одобрительный гул. Кто-то уже наливал третью.

На душе было беспокойно. Я и не сомневалась, что он не сдержит обещания. У него же повод есть.

— Вы не тяните, — продолжали женщины, входя во вкус, — А то Дурен кого помоложе найдет. Теперь-то, с его повышением, около него многие виться будут. Красивый мужик, при должности, а ты... — она осеклась, но я поняла: «а ты хромая».

— Смотри не упusti, — добавила толстая баба, — Такое счастье само в руки плывет, а ты сидишь как чужая.

Счастье.

Я посмотрела на Дурена. Он как раз опрокидывал третью рюмку. Глаза уже блестели маслянисто, движения стали размашистее, голос громче.

Счастье мое.

Я была бы рада, если он нашел кого-то, а меня отпустил. Я бы получила развод и жила себе спокойно.

Угощения в горло не лезли. Меня начинало тошнить. То ли от запаха еды, то ли от их разговоров, то ли от вида мужа, который с каждой рюмкой приближался к той черте, за которой начинался зверь.

Я встала.

— Ты куда? — удивилась соседка.

— На воздух, — ответила, — Жарко.

— Ну вот, наговорили девке всякого, — услышала я за спиной.

— Ну а что, правда же... — доносилось в спину.

— Все в порядке, — обернулась, стараясь улыбнуться, — Я просто неважно себя чувствую еще, после... падения.

Кто-то понимающе закивал, кто-то отвел глаза.

А когда я уже подходила к двери, услышала приглушенное, но отчетливое:

— Ага, упала она... Чуть не убил он ее.

Я замерла на мгновение.

— Значит, было за что. Ишь какая стала, нос от нас воротит, повышение уже почуяла... Я вышла, не дослушав.

Было обидно. Вот почему люди такие? Когда им плохо было, когда детей им помогала лечить, они помощи просили, в глаза жалобно заглядывали, искренне благодарили, а теперь что? Куда исчезла вся их доброта. Как соберутся вместе...

В голове шумело, в груди давило.

Я привалилась спиной к широкому дереву у забора, закрыла глаза.

Хорошо бы сейчас оказаться далеко-далеко. Где-нибудь где нет Дурена, нет ни этих женщин... Хотя бы у Гленды. У нее спокойно.

— Мариса... — раздалось совсем близко.

Я распахнула глаза.

Сердце подскочило к горлу.

Керен.

Он стоял рядом. Совсем близко, в паре шагов. Я даже не слышала, как он подошел.

Высокий, широкоплечий, в дорогой рубаше с вышивкой, расшитой золотой нитью. Черные волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Глаза блестели — уже успел выпить, но не сильно, только для настроения. Он смотрел на меня и улыбался той самой улыбкой, от которой у меня внутри все холодело.

— Чего стоишь одна? — спросил он, приближаясь еще на шаг, — Прячешься аль скучаешь?

Я выпрямилась, отлепилась от дерева.

— Уже в дом иду... — не собиралась я с ним беседы наедине водить.

— Слышал, ты от мужа убегала, — сказал он вполголоса, преграждая мне путь, — К старой травнице подалась. Не вышло?

Я сжала ладони в кулаки. Конечно, все знали.

— Вышло. Я вернулась.

— Вижу, что вернулась, — он усмехнулся, — А я думал, ты смелее. Думал, может, решишься на что-то...

— На что?

— Ну, не знаю, — он пожал плечами, но глаз не отвел, — На жизнь. На что-то, кроме этого.

Он кивнул в сторону дома, откуда доносился пьяный гул голосов.

Я промолчала.

— Керен, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, — Что ты хочешь?

Он шагнул ближе. Так близко, что я почувствовала запах дорогого табака и медовухи. Наклонился, почти касаясь губами моего уха.

— Помочь хочу.

Я дернулась, отстраняясь, уперлась спиной в дерево. Он не отодвинулся, нависал надо мной, большой, темный, опасный.

— Сама справлюсь, — выдохнула я.

— Зря отказываешься, — он говорил тихо, вкрадчиво, — Я ведь могу поговорить со жрецом. Могу надавить на него. Я ведь не последний человек на деревне, Мариса.

ГЛАВА 12

МАРИ

Мне так не хватало помощи, заботы. Что, если быть честной, за несколько долгих секунд сердце глупо трепыхнулось.

Жрец говорил, что нужны свидетели. Нужны те, кто подтвердит, что Дурен меня бьет, что я не сама падаю, что мне нужна защита. А вот он стоит, прямо передо мной — сын старосты, человек с весом и голосом. Желает выступить на моей стороне.

Всего на несколько секунд я позволила себе поверить.

Представила, как иду к жрецу с ним. Как он говорит, кивает, подтверждает. Как жрец слушает — не меня, хромую бабу, а его, Керена, уважаемого человека. Как бумаги подписывают. Как я выхожу свободная.

Свободная.

Всего несколько секунд.

А потом я быстро пришла в себя.

Хватит быть наивной дурой!

Я уже обжигалась на таких «помощниках». Я уже верила красивым словам — Дурен тоже когда-то говорил красиво. А чем кончилось?

— И что ты хочешь за свою помощь? — спросила я, кривя губы.

Керен не из тех, кто делает что-то просто так. В этом я уже не раз убедилась. За всю свою жизнь в деревне я насмотрелась на таких, как он. Красивых, богатых, уверенных. Они всегда берут плату. Всегда.

Он улыбнулся — предвкушающе и хищно.

— А ты как думаешь?

Молчание.

Я знала, что он скажет. Знала. И все равно спросила:

— Скажи прямо.

Он наклонился снова. В этот раз медленно, давая мне возможность отстраниться. Но я не могла — за спиной было дерево, а по бокам его руки.

— Ты мне нравишься, Мариса, — прошептал он, — Давно. Еще с ярмарки. Как увидел — так и запала ты мне в душу. Красивая ты. Даже с хромотой своей, — он потянулся к моей косе, — Но недотрогу из себя строишь.

— Руки убери.

— Ну вот. Не бойся, — сказал он, — Я не кусаюсь. Пока.

— У тебя жена есть. Четверо детей.

— Жена, — он скривился. — Ты видела ее? Расплылась, как квашня. Детей рожать — это да, умеет. А для души — пусто.

— Это не для души.

— А для чего? — он приблизился, — Для тела? Тоже неплохо.

— Не подходи.

— Или что? — он засмеялся. — Крикнешь? Дурен прибежит? А что он сделает? Меня тронет?

— Нет, Керен, мне твоя помощь не нужна, — заявила уверенно, уходя от него, но он перехватил меня за руку.

Я попыталась отстраниться, уйти, обойти его. Но он перехватил меня за руку.

— А ну, пусти, — я дернулась, но хватка была железной, — Что, тоже бить будешь?

Наши взгляды схлестнулись.

— Я никогда не бью женщин, — сказал он спокойно, — Мне это не нужно.

— Тогда пусти.

— Но я всегда получаю то, что хочу, Мариса, — сказал он тихо, — А хочу я тебя.

— Не дожدهшься.

— Посмотрим.

Он разжал пальцы, и я отшатнулась, потирая запястье.

— Завтра приходи к старому амбару у реки, — сказал он, — В полдень. Буду тебя ждать.

— Не приду.

— Придешь, — улыбнулся он, — Иначе я расскажу Дурену, что ты у меня помощи просила. Что сама ко мне пришла. Что на шею вешалась на все готовая.

— Это ложь!

— Кому какая разница? — пожал плечами Керен, — Дурен поверит. Он во все плохое верит. Ты же знаешь.

Я знала.

— И тогда, — продолжал он, — твой муж придет за тобой. И не с цветами. Убьет, скорее всего. А я буду рядом и даже не почешусь. Потому что ты мне не дала.

— Рассказывай что хочешь, — развернулась и захромала в сторону дома.

Туда, где хотела быть меньше всего.

— Хорошая сделка! — донеслось в спину, — Ты мне — раз. Я тебе — спокойную жизнь! Освободишься наконец от него! Подумай, Мариса!

Я не обернулась.

Я рванула назад в душный дом. Даже воздухом спокойно не продохнуть.

Ни там, где он. Ни там, где Дурен.

Нигде.

А на входе как раз столкнулась с женой Керена.

Лирой. Она несла с кухни еще один пирог — огромный, румяный, на тяжелом деревянном подносе. Лицо у нее покраснелось от жара печи, на лбу блестели капельки пота. Она запыхалась, но старалась улыбаться — хозяйка, мать семейства, примерная жена.

Наши взгляды встретились. В ее глазах мелькнуло что-то — усталость? Тоска?

Я посторонилась, пропуская ее.

— Спасибо, — выдохнула она, протискиваясь мимо с тяжелой ношей.

Я смотрела ей вслед.

И что ему еще надо?

Грудь пышная, лицо хоть и полное, но симпатичное.

Я отвернулась и пошла на свое место.

Села на ту же скамью, где сидела раньше. Женщины покосились на меня, но говорить больше не стали.

Посмотрела на Дурена.

Он сидел во главе стола, рядом с Ялаем, и оживленно ему что-то рассказывал. Глаза уже совсем осоловели — я видела этот блеск, эту расслабленность.

Я перевела взгляд на Ялая. Староста слушал Дурена с доброй улыбкой, кивал, похлопывал его по плечу. Хороший мужик, говорят. Справедливый. Только сына вырастить не сумел.

Может, сделка и хорошая... Одну ночь я бы потерпела. Дурена же терплю... Но я не верила Керену. Он сейчас угрожает, шантажирует. Сейчас у него ничего нет. Лишь слова, а тогда будет... Нет. Это не выход.

Он воспользуется мной и потому будет насмехаться над глупостью. Я останусь с позором.

Через пять минут в дом вошел Керен. Он уселся рядом с отцом и присоединился к их разговору. Сердце пропустило удар. Что он там ему втолковывает? Не обо мне же? Ведь он

будет ждать завтра, а сегодня подставы ждать не стоит. Или... Он словно слышал мои мысли, обернулся на меня и заулыбался. Неприятно так.

— А что ты жену от себя далеко отсадил? Аль не мила тебе? — спросил он громко у Дурена, явно насмехаясь, но муж не чувствовал издевки, поднял голову и махнул мне, чтобы подошла.

Я встала. Деваться некуда.

Села на пустующее место, где раньше сидел какой-то мужик.

Дурен тут же приобнял меня, поцеловал в щеку. От него несло алкоголем, тут же от этого запаха вспыхнули неприятные воспоминания.

— Мила, как же не мила. Выпей со мной, — Дурен сунул мне в руку рюмку, — За мое повышение. За наше будущее.

— Я не пью, — напомнила тихо.

— Сегодня пей, — нахмурился он.

Я поднесла рюмку к губам, сделала глоток. Водка обожгла горло, провалилась в желудок горячим комом. Я закашлялась, прикрывая рот ладонью.

Дурен расхохотался, поглаживая меня по голове.

А Керен внимательно наблюдал за нами.

— Мариса у меня умелица, — пьяно разливался Дурен, приобнимая меня за плечи, — И готовит, и лечит, на все руки мастерица. И красавица какая.

— Красавица, — закивал Керен, — Да только не пойму зачем женщине работать. Моя за домом следит, детей растит.

— Родит и моя будет, — важно заявил Дурен, сжимая мое плечо. — Как дети пойдут — никуда не денется, дома будет сидеть.

— А кто же роды принимать будет, — ответила я раздраженно, не выдержав, — Не мужики же?

Дурен засмеялся, Керен тоже изобразил улыбку, да только она была ненастоящая. Глаза его оставались холодными, изучающими. Он смотрел на меня, как кот на мышь, которая уже почти в лапах.

— Ты, Дурен, не дури! — проговорил сам Ялай, неожиданно вступая в разговор. — Жена у тебя и впрямь толковая. Я сам к Гленде людей посылаю, и Мариса многим помогала. Лекари в деревне нужны, это дело полезное.

— Да что ж я, не понимаю, что ли? — Дурен немного сбавил тон, — Я ж не против. Пусть помогает. Только дома чтобы успевала. Я люблю Марису свою.

— Вот и люби, — кивнул Ялай, — Не гоже жене от мужа бегать. Вы люди молодые, детишек рожайте и в мире живите.

Я почувствовала, как рука мужа напряглась от этих простых слов. Но ответил он ему, широко улыбаясь:

— Да все хорошо у нас, Ялай. Все хорошо. Мариса просто характер показывает, молодая еще. А так — все путем.

Я молчала. Сжимала руки под столом и молчала.

— Может, в картишки, мужики? — спросил между делом Керен, меняя тему, — Что за праздник без карт? Я принес колоду, свежую.

— А давай! — оживился Дурен. — Давно не играл.

— Может, в картишки, мужики? — спросил между делом Керен, меняя тему.

— Дурен, может, домой пойдем? — спросила я тихо, но он уже загорелся предложением сына старосты.

— Дурен, ты пьян, — пыталась все же достучаться до него, но все было бесполезно.

— Молчи, не позорь меня, — шикнул меня, — Иди на свое место.

— Я домой пойду.

Я почти дошла до двери, когда Дурен нагнал меня.

Схватил на пороге, резко разворачивая к себе.

— Я сказал тебе ждать, — сжал мои плечи.

— Я не собака тебе.

— А язык поганый, — он тряхнул меня. — Ты баба, должна знать свое место. Муж сказал — ты сделала.

— Муж сказал, что пить больше не будет, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Он замер. В глазах мелькнуло что-то — то ли стыд, то ли злость.

— Праздник сегодня, — сказал он уже тише. — А ты меня не поздравила даже, — он притянул меня ближе, дыша в лицо, — Ладно, иди домой. А как приду — поздравишь по-настоящему. Соскучился по тебе, не могу, аж все колом стоит.

Он сжал мое бедро, утыкаясь носом в шею.

— Дурен, ты где? — донеслось из дому, — Играть-то будешь?

Он отступил.

— Иди, — сказал он, — Я скоро приду.

Шла домой и мечтала только об одном: чтобы он напился до такого состояния, чтобы на ногах не стоял. Чтобы там, в доме старосты, и заснул прямо за столом. Чтобы не пришел сегодня вообще.

На перекрестке покосилась в сторону, где был дом Гленды. Она уже спит, старая. Не буду ее тревожить. И так она для меня слишком много сделала. Нельзя приходить к ней каждый раз, когда мне страшно.

Я закостыляла к своей хате.

А как пришла насыпала сон-травы в бутылку, найденную в его тайнике. Я знала, что Дурену всегда мало, как выпьет. А потом начнет приставать. А так выпьет и заснет.

Через часа два, когда я лежала и ждала его возвращения, чтобы не пропустить его приход, услышала шум.

Сначала голоса на улице, потом шаги, потом стук калитки.

Явился.

Я поднялась тихонько, вышла в сени. Прильнула к щели в двери, чтобы увидеть, кто там. И обомлела.

Дурен был не один.

Рядом с ним, поддерживая его под руку, шел Керен.

— Спасибо, что довел, — сказал Дурен, спотыкаясь на пороге, — А то перебрал я немного. Ноги не слушаются.

— С кем не бывает, — ответил Керен.

Они вошли в сени. Я отшатнулась в тень, забилась в угол и они меня не заметили.

— Ну так что, — сказал Керен, когда они остановились посреди сеней, — а долг когда отдашь?

Я замерла, прислушиваясь.

Дурен засмеялся. Пьяно и глупо.

— Ну и шутник ты, Керен. Нашел время шутить.

— Какие шутки, Дурен? — голос Керена стал жестким, — Карточный долг — дело святое. Ты проиграл — наизнанку вывернись и отдай. Иначе и проблемы могут быть.

— Какие проблемы? — Дурен попытался выпрямиться, но его качнуло.

— Самые разные. Ты забыл, кто тебе с должностью-то помог? Я замолвил словечко перед отцом.

— Деньгами все отдам. Сколько там?

— Не деньгами. Ты мне другим должен.

— Ты чего? — Дурен отшатнулся, — Совсем сдурел? Марису мою не тронь. Люблю я ее.

— Вот и люби дальше, — Керен положил руку ему на плечо, почти ласково, — После того, как я ее разик отлюблю. Один раз — и мы в расчете.

— Ей сейчас нельзя, — ответил Дурен, будто протрезвев. Он даже выпрямился, опираясь рукой о косяк.

— Отчего же? — Керен не спешил уходить. В его голосе звучало откровенное любопытство. Ему было интересно. Ему было весело. Он наслаждался этой игрой, как кот, который уже загнал мышь, но не спешит ее убивать — сначала поиграет.

— Кровотечения у нее после... — Дурен запнулся, подбирая слово, — после всего. Гленда сказала, нельзя трогать ее. Пока не пройдет.

Мне стало так мерзко, что мой муж обсуждает это с чужим мужиком. Я сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Зубы стиснула до скрежета. Дышала через раз, чтобы не закричать.

Я думала, что после побоев хуже не будет.

Я ошибалась.

Как же я ненавидела весь мужской род!

— Будьте вы прокляты... — прошептала зло, — Я не дамся никому из вас...

В груди клокотала ярость. Не та тихая, привычная, а другая. Слепая, бешеная, почти безумная. Она поднималась из той самой пустоты, что растекалась по груди, по горлу, по голове. В ушах шумело, перед глазами плыло.

Сейчас я была готова убить. Если кто-то из них меня обнаружит. Если кто-то прикоснется.

Я лучше сяду за решетку, проведу остаток жизни в темнице... Все лучше чем это...

— А говоришь, любишь? — усмехнулся Керен. Голос его звучал лениво, с откровенной издевкой, — Я и свою бабу не обижал, и твою не обижу. Могу и тебя ласке научить, раз ты не умеешь...

— Ах ты... — Дурен бросился на него.

Я видела это краем глаза — тяжелое, неуклюжее движение пьяного человека. Он хотел ударить, но куда ему против трезвого Керена.

Керен толкнул его, и Дурен, не удержав равновесия, завалился назад, скатился с порога и грохнулся в снег. Лежал, растопырив руки и ноги, как перевернутая черепаха.

Керен принялся бить его ногами.

— Нравится? — первый удар пришелся в бок. Муж ахнул.

— А думаешь, ей нравится? — второй удар — в живот. Дурен согнулся, закашлялся.

— Она у тебя на язык острая, вот им и поработает, — Керен пнул его в спину. — Полежи здесь, послушай, как баба твоя хоть от удовольствия застонет, а не от боли. Может, научишься чему.

Он выпрямился, отряхнул рукава. Посмотрел на лежащего мужа, как на мусор. Повернулся к дому.

— Мариса! — крикнул он, распахивая дверь. — Выйди ко мне, красавица! Дурен тут тебе кое-что сказать хочет.

Я не стала больше ждать.

Мгновенно, как заяц, почуявший собаку, я метнулась из своего угла, проскочила мимо лежащего Дурена, который что-то промышал мне вслед.

Нога была не приспособлена для бега. Она подворачивалась на каждом шагу, проваливалась в снег, не слушалась. Но я бежала. Я падала, поднималась, бежала снова.

Я забежала в соседний двор — тот, что принадлежал Авилу, кузнецу. Нырнула в сарай. Сердце колотилось где-то в горле. Я прижимала руку ко рту, чтобы не закричать, не завывать от ужаса.

Здесь пахло лошадыми и сухой травой. Где-то рядом фыркала скотина, слышно было тяжелое дыхание — то ли корова, то ли лошадь. Я забила в самый дальний угол, зарылась в сено с головой.

Я понимала, что до Гленды не добежу.

Она далеко, на другом конце деревни. По главной улице, мимо всех домов, мимо чужих окон. Керен догонит меня раньше. А сейчас не обнаружит дома и уйдет, к Гленде он не сунется. Ему сплетни не нужны.

А вот протрезвевший Дурен завтра станет искать меня там в первую очередь.

Дурен знает, что Гленда — мое единственное убежище. Он пойдет туда. И найдет. Обязательно найдет.

Я сидела в сене, обхватив колени руками, и пыталась унять дрожь.

Что делать?

Или утопиться или бежать. Жизни мне здесь нет. Развод ни развод. Керен тоже проходу не даст, пока не получит свое. Обвинит, оклеветает, со мной и здороваться люди не станут.

Надо бежать.

Я лежала в сене и ждала.

Чего? Утра? Смерти? Чуда?

Я не знала.

Но знала одно: если я переживу эту ночь, то что-то должно измениться. Я больше не могу так жить.

Я пролежала так вся окаменелая до самого утра.

Сено вокруг пропиталось холодом, промерзло насквозь, хотя я пыталась зарыться глубже. Тело затекло, ноги онемели, пальцы на руках не гнулись. Я даже не чувствовала, есть ли у меня еще нога, она будто отмерзла совсем.

Я смотрела в щель между досками, как светлеет небо. Сначала чернота, потом синева, потом серый рассвет.

Лежала так, пока не услышала шаги. Я выползла из сена, как червяк, медленно, неуклюже.

Вместо слов получился хрип. Что-то невнятное, похожее на мычание.

— Мариса? — Авил стоял в дверях сарая, и в руках у него были вилы — нацеленные прямо на меня. Видимо, подумал, что кто-то из зверья забрался в сарай, а нашел меня.

— Ты чего здесь? — опешил он, опуская вилы.

Он оглянулся на наш дом, потом снова на меня.

— От Дурена прячешься?

Я кивнула.

Движение вышло каким-то дерганным, будто кукла на ниточках. Шея не слушалась.

Авил поставил вилы к стене, подошел ближе. Протянул руку, чтобы помочь подняться.

Я инстинктивно шарахнулась от него в сторону, когда он хотел отряхнуть от платья сено. Я не хотела, чтобы меня кто-то трогал.

— Ты чего это? — сказал он тихо. Поднял руки в стороны, показывая, что не трогает, — Не трогаю тебя. Слышишь?

— Я дожусь, когда он пойдет на работу, и уйду, — сказала я, — Хорошо?

— Хорошо, — кивнул он, — Может, в дом пойдешь? Замерзла ведь вся.

— Нет, — я покачала головой, — Я тут подожду.

— На, хоть жилетку мою, — он снял с себя меховую жилетку, протянул мне, — Бери, бери, — он сунул ее мне в руки, — Простынешь ведь.

Я приняла. Накинула одеревенелыми пальцами на плечи, закуталась. Тепло разлилось по спине, по груди, по рукам. Я почувствовала, как начинают оттаивать пальцы — больно, колюче, будто иголками тычут.

— Я сейчас, — он ушел и через минуту вернулся с кружкой.

— Пей, — протянул он, — Горячий чай. С медом.

Я взяла кружку. Обожгла пальцы, но не выпустила. Сделала глоток. Горячая жидкость обожгла горло, провалилась в пустой желудок, разлилась теплом.

— Спасибо, — прошептала я.

Авил сел на перевернутое ведро рядом. Молчал. Не смотрел на меня. Просто сидел и ждал, когда я допью.

— Авил, — сказала я.

— М?

— Мне надо в город незаметно уехать.

ГЛАВА 13

МАРИ

Дурен долго не уходит на работу. Я все жду и жду, сидя в сарае, прижавшись спиной к стене, кутаясь в чужую жилетку. Слушаю каждый звук, доносящийся с улицы. Скрип калитки, шаги или кашель. И ругаю себя.

Видимо, дело в сонных травах, тех, что я добавила ему в выпивку.

А быть может, он просто перепил и не в состоянии встать. Вдобавок ему вчера знатно досталось от Керена. Я вспомнила, как он лежал в снегу, как его били, и в груди шевельнулось что-то темное, почти удовлетворение. Пусть почувствует побои на своей шкуре. Ему полезно.

Вот кто бы еще повоспитывал самого Керена. Ему бы тоже не помешало. Такому, как он, нужна была бы хорошая трепка, чтобы понять, что нельзя делать с людьми то, что он делает. Нельзя торговать чужими женами. Нельзя шантажировать. Нельзя смотреть на женщину, как на вещь.

Мои мысли опять уносятся к расправе над мужчинами.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять эту злость. Она жжет изнутри, как огонь, который может сжечь меня саму, если я не буду осторожна.

И только помощь соседа заставляет не проклинать весь их мужской род. Авил принес чай, отдал жилетку, обещал не выдавать. Он доказывает, что не все такие. Что есть те, кто видит во мне человека. Что есть те, кто не берет плату за доброту.

Хотя мне уже мерещится разное. Я слишком долго жила в страхе, чтобы верить кому-то просто так. Быть может, Авил только на людях такой, а дома... Про Дурена ведь тоже не подумаешь. Казался хорошим, улыбчивым, ласковым. И если бы я не ушла к Гленде, не устроила свой маленький бунт, то все бы осталось покрытой тайной, и он был бы в глазах людей образцовым мужем. Никто бы не узнал, как он бьет жену. Никто бы не увидел синяков, которые я так тщательно прятала. Никто бы не услышал моих ночных криков.

Хотя он и сейчас так выглядит. Вчера все пили за его повышение, все поздравляли, все восхищались. Дурен — хороший мужик, работающий, хозяйственный. А я — плохая жена, которая от него сбегала, которая не может родить, которая носом воротит.

— Ушел, — заходит в сарай спустя два часа Авил.

Я вздрагиваю, хотя ждала этого. Выныриваю из своих мыслей, как из глубокой воды.

— Да, я видела, — киваю ему и поднимаюсь на ноги.

Мышцы ноют, спина затекла, но я стараюсь не показывать этого. Киваю Авилу еще раз, коротко, благодарно, и выхожу из сарая через задний двор, чтобы никто ненароком не заметил, что я была у соседа.

Я также окольными путями возвращаюсь к себе в дом, прячась от соседей, будто сделала что-то плохое. Хотя плохое сделали мне.

Собираю самое необходимое. Белье, платья, обувь. Лекарства, что пью для сил и восстановления. Деньги. Беру только свои, что заработала сама. К средствам Дурена не притрагиваюсь. Мне от него ничего не нужно. Как же жалко, что я все еще ношу его фамилию...

Большую сумку тяжело носить, да и неудобно. Не на курорт же собралась. А убегая от мужа. Скрываюсь. Нужно быть налегке — чем меньше вещей, тем быстрее ноги. А ноги у меня и так небыстрые.

Смотрю на сундук, на этот дом, на эту жизнь. Год. Всего год я здесь. А кажется, целая вечность.

Надо идти.

Но не попрощаться с Глендой я не могу.

Она — единственная, кто был мне настоящей семьей. Кто не предал, не отвернулся, не сказал «терпи». Она выходила меня, когда я умирала. Она научила меня тому, что умею. Она дала мне веру в себя. Ее старания будут напрасными, если я использую свой шанс.

Я не могу уйти, не сказав ей спасибо. Не могу исчезнуть, оставив ее гадать, что со мной случилось.

У порога я оборачиваюсь.

Последний раз.

Смотрю на этот дом, где меня били. На эту кровать, где я считала трещины в потолке и молилась о смерти.

— Прощай, — шепчу я, — Навсегда.

И выхожу за дверь.

Я иду к Гленде.

Я сворачиваю на ее улицу, и сердце оголтело колотится. Что, если ее нет? Что, если ушла к кому-то из больных? Что, если не застану?

Но мы сталкиваемся у ее дверей.

Она облегченно улыбается.

— А я к тебе, милая, шла, — говорит она, и голос ее дрожит чуть-чуть, — Непокойно мне было весь вечер. Переживала, не случилось ли чего. Сердце не на месте. А тут ты сама.

Она берет меня за руку, вводит в дом.

— Как вчера прошло? — спрашивает, — Народ гудел, что хороший праздник был.

— Угощений было много, — говорю, заходя в дом.

Я не знаю, как сказать ей. Не знаю, как посмотреть в глаза и произнести «прощай».

Гленда замечает сумку у меня в руке.

Я поджимаю губы. Слова застревают в горле.

— Я пришла попрощаться, — выдыхаю я. Слезы текут по щекам. Я думала, что все уже выплакала, но мне так будет не хватать этой женщины.

Ставлю сумку на пол и обнимаю ее. Крепко. Так, как никогда не обнимала родную мать. Так, как обнимают единственного человека, который тебя действительно любит.

— Я буду скучать, — шепчу.

Гленда ничего не говорит.

Она не останавливает меня. Не уговаривает остаться. Не говорит «подумай», «не спеши», «а вдруг все наладится». Она все понимает. И от этого мне хорошо — легко, спокойно, будто камень с души упал. Не нужно оправдываться. Не нужно объяснять, почему я ухожу, почему не могу больше, почему выбираю неизвестность вместо привычного ада.

Она даже не спрашивает, что случилось вчера.

Это неважно.

Важно только то, что я здесь. Что я жива. Что я наконец решилась.

— Я договорилась с Авилом, — говорю я, вытирая слезы, — Его сын отвезет меня в город. А дальше... что-нибудь придумаю...

У меня еще нет четкого плана. Главное — выбраться незаметно из деревни.

— В городе меня мало кто знает. Но я хочу как можно дальше...

Я смогу начать сначала. Буду работать, может, лечить, помогать людям. Я хочу быть как можно дальше от этого места, чтобы никто не нашел.

— Нет-нет-нет, — начинает причитать Гленда, и я уже сжимаюсь, думаю, что все же станет отговаривать, но выдыхаю, когда она продолжает:

— Так в никуда я тебя не отпущу. Сейчас я напишу письмо одному человеку, — говорит Гленда, уже направляясь к столу. Голос у нее деловой, собранный, как у человека, который точно знает, что делает, — Он тебе поможет.

Гленда и здесь мне помогает. Я не устану благодарить небеса, что я встретила ее на своем пути. В этом ужасном мире нашлась та, что протянула мне руку помощи, ничего не требуя взамен.

Я хочу быть на нее похожей. Хочу также смотреть на мир — не сквозь обиду, не через боль, а с той тихой мудростью, которая позволяет видеть в людях лучшее, даже когда вокруг одно зло.

Ее жизнь тоже не была простой, но она не озлобилась.

Я знаю это не из ее рассказов, она почти никогда не говорит о прошлом. Гленда потеряла мужа на войне. Он ушел и не вернулся. А потом была дочь, которую она не смогла спасти.

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, рана до сих пор болит. Я вижу это по ее глазам, когда она смотрит на маленьких детей. По тому, как особенно бережно лечит самых крошечных. По тому, как иногда, заваривая ромашку, замирает на мгновение, глядя в одну точку, а потом отряхивается и идет дальше, будто ничего и не было.

Она не озлобилась. Ни после войны, смерти мужа, после того как не смогла спасти собственного ребенка. Могла бы замкнуться, возненавидеть весь мир, проклясть Богиню. Но она выбрала другое. Она продолжала лечить. Помогать. Спасать тех, кого еще можно спасти. Она превратила свою боль в лекарство для других.

— Кто он? — спрашиваю я, следя за тем, как Гленда выводит строки на листе бумаги.

Она пишет быстро, не задумываясь, будто уже сто раз мысленно составляла это письмо.

— Эрик Аурион, — отвечает она, не поднимая головы.

Я вроде слышала это имя раньше.

— Этот тот мужчина, что я лечила пять лет назад. Дракон. Помнишь его?

Да, точно...

— Помню.

Мне было семнадцать, я только начала помогать Гленде, робкая, неуклюжая, вечно боящаяся сделать что-то не так.

И тогда, поздней осенью, когда уже выпал первый снег, к нам привезли его.

Я помню тот вечер. Помню, как Гленда отворила створки, и на пороге стояли двое мужчин в дорожных плащах, а между ними — третий. Он был без сознания, лицо белое как полотно, одежда в крови. Кто-то пытался его убить. И почти преуспел.

Война закончилась пару месяцев назад, и я тогда удивилась где он получил ранение.

Три дня Гленда не отходила от него. Я помогала — подавала травы, меняла повязки, держала его, когда он метался в бреду. Он говорил что-то на непонятном языке, кричал, звал кого-то. Иногда просыпался на минуту, смотрел мутными глазами, не видя меня, и снова проваливался в беспамятство.

Я боялась его. Не потому, что он был страшный — нет, даже израненный, он был красив. Но от него веяло такой силой, такой пугающей мощью, что у меня все дрожало внутри. И только потом, когда он пошел на поправку, Гленда сказала мне шепотом: «Белый дракон, Мари. Будь с ним осторожна. И уважительна».

Он пробыл у нас пару недель. И как только смог ходить, засобиравшись домой, хотя Гленда предлагала еще долечиться. Но он сказал, что его ждут важные дела.

Он называл ее «спасительница», а она называла его «ваше сиятельство» и шлепала по руке, когда он начинал важничать.

А меня он почти не замечал. Для него я была просто девочкой-помощницей, которая приносит еду и меняет бинты. Он говорил мне «спасибо» и благодарно кивал. Один раз, когда я зашивала его рубаху, долго смотрел на мою косу, потом сказал: «Красивые волосы». Я покраснела, выронила иглку и убежала на кухню. Больше он мне комплиментов не делал.

Потом он уехал. Утром, когда я пришла менять повязки, его постель была пуста. Гленда сидела на крыльце, куталась в платок и смотрела на дорогу. Я не стала спрашивать. Просто молча убрала посуду, перестирала бинты, заварила свежий чай. Но потом, через месяц, пришла посылка. Дорогая, с гербовой печатью. В ней были деньги и подарки. Она ворчала, что много, но приняла. Себе почти ничего не оставила, а передала детям в городской приют.

Не думала, что когда-то еще встречу того мужчину.

— Гленда, он же...

— Да, белый дракон, — ответила Гленда, — Он мой должник. Это и будет моей платой — взять тебя на работу.

— Он же после прислал деньги. Будет ли уместно?

— Уместно, — Гленда протягивает мне письмо, — Он человек чести. И он знает, что такое долг. А если откажет, то невелика беда, и без него справишься.

Гленда, как всегда, права. Откажет — так тому и быть. У меня все равно не было плана, ничего не потеряю. Письмо — это больше, чем у меня было минуту назад.

— И вот еще, — женщина идет в спальню и возвращается с мешочком, протягивая его мне.

— Знала бы, что такое случиться, припасла бы больше, — говорит она виновато, — А так что есть.

— Не нужно, Гленда, — говорю я, пытаюсь вернуть, — У меня есть. Оставь себе.

— А мне на кой? — она отталкивает мои руки, — На похороны имеется, да и хватит. А тебе на первое время пригодится. Одежду купишь новую, комнату снимешь, мало ли. Бери, бери.

— Гленда...

— Бери, говорю! — она почти сердится. — Не спорь. И как устроишься, то сразу напиши. Слышишь? Мне знать надо, что ты в порядке.

— Обязательно, — говорю я и все же беру ее деньги.

Прячу мешочек и письмо в карман сумки. Мы еще раз обнимаемся. Целую ее морщинистую щеку и подхватываю свою сумку.

— Ну все, иди, дочка. Пусть Богиня освещает твой путь.

Мы договорились с Авилем, что его сын будет ждать меня за домом Гленды. Там как раз тропа в лес. Придется сделать крюк, чтобы выехать на дорогу, ведущую в город. Но время это малое чем я рискую, главное, чтобы меня не увидели.

Дурен не должен сразу понять, что я сбежала от него.

Он наверняка подумает, что я вновь ушла к Гленде. Пусть так и будет. Тем самым я выиграю себе время. Гленда не выдаст меня, а еще и подыграет, что я у нее. И в дом не пустит, если получится, конечно.

Прохожу огород и выхожу в калитку. Павил уже ждет. На телеге бочки и сено.

Я киваю ему и молча забираюсь в сено. Прячусь в него, как ночью.

Лошадь фыркает, телега скрипит, трогается с места.

Я лежу в сене, смотрю в серое небо между веточками. Деревья плывут надо мной, также как тогда, когда меня везли к Гленде, полумертвую. Тогда я думала, что это конец.

Теперь я думаю, что это начало.

ГЛАВА 14

МАРИ

Павил довез меня до городского рынка, и мы с ним распрощались.

Телега остановилась у самых ворот, где уже слышался гул. Я отряхнула от сена помятое платье, волосы выбились из-под платка, но это было неважно. Я была свободна. Не так, как хотелось бы, ведь я все еще оставалась официальной женой Дурена. Но лучше такая свобода, чем узница в его доме.

Я поблагодарила парня и просила еще раз передать благодарности его отцу.

Я стояла у ворот, сжимая в руке пояс сумки, и смотрела ему вслед. Павил обернулся один раз, махнул рукой, и я махнула в ответ.

Я была уверена, что эта семья меня не выдаст, они были не из болтливых. Такие люди не побегут к Дурену рассказывать, куда я уехала. Они умеют хранить молчание.

Я бывала здесь раньше.

Не так часто, но знала, где что находится. Город был не самым большим, но и не маленьким — уездный центр, куда многие привозили товар, где были лавки, постоялые дворы, конторы. Я приезжала сюда несколько раз с Глендой за травами, которые не росли в наших краях, и несколько раз, чтобы продать собранные сборы.

Я спрятала косу под пальто и перевязала платок. Волосы у меня приметные, я не хотела, чтобы меня по ним запомнили.

И не теряя времени, сразу поспешила к месту где собирались извозчики.

Я помнила, где это. Там, где дорога раздваивается — одна идет к пристани, другая в столицу. Там всегда толпились повозки, телеги, обозы, и можно было наняться в попутчики, договориться с кем-то, кто едет в нужную сторону. Гленда когда-то учила меня: «Смотри в глаза, говори твердо, цену знай заранее. И не садись к тем, кто слишком дешево берет — они или пьяницы, или дорогу не знают, а то и хуже».

Мне нужно было в столицу. До нее два дня пути. Два дня в чужой повозке, с чужими людьми, которые могут оказаться кем угодно. Я держала крепче сумку с деньгами и письмом и думала о том, что нужно быть осторожной.

Дорога на столицу идет через большой тракт. Я слышала, что по нему ходят обозы, что там безопасно — по обе стороны стоят заставы, а вдоль тракта — постоялые дворы, где можно переночевать. Главное — найти повозку с путниками. Хорошо бы попались хорошие люди, все же путь неблизкий. Семья с детьми, или старая пара, или кто-то из торговцев, которым не до меня. Лишь бы не пьяные мужики. Лишь бы не те, кто смотрит на одинокую женщину как на добычу.

Я подошла к площади. Огляделась, стараясь не выглядеть растерянной, хотя сердце колотилось и я очень волновалась.

Вон та повозка — доверху груженная бочками, возчик пожилой, сухой, с добрым лицом. Рядом сидит женщина, наверное, жена. У них есть свободное место? Я подошла ближе.

— До столицы довезете? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Извозчик оглядел меня. Недолго, без интереса.

— Два серебряника, — сказал он, — Завтра на рассвете отъезжаем.

Завтра. Я не могу ждать до завтра. Нужно уехать сегодня, чем скорее, тем лучше.

— А сегодня? — спросила я.

— Сегодня не едем, — он покачал головой, — Груз не готов.

Я пошла дальше.

Другая повозка — поменьше, крытая рогожей. Извозчик молодой, с яркими голубыми глазами, смотрит на меня чуть дольше, чем нужно.

— В столицу? — переспрашивает он, усмехаясь, — А одна не боишься?

— Не боюсь, — отвечаю твердо, — Доведешь?

— Три серебряника. Со мной поедешь.

В его голосе мне слышится что-то не то. Я вспоминаю слова Гленды: «Не садись к тем, кто слишком веселый». Отворачиваюсь и иду дальше.

Третья повозка — большая, крытая, рядом двое мужчин и женщина. Извозчик пожилой, седой, с усталым лицом. Женщина — его жена, наверное, раскладывает узлы. А третий молодой мужчина, стоит чуть поодаль. Выглядит прилично: в добротном пальто, сапоги чистые, лицо гладковыбритое, волосы темные, зачесаны назад. Он смотрит куда-то в сторону, в толпу, будто его не касается то, что происходит вокруг.

— До столицы? — спрашиваю.

Женщина поднимает голову, смотрит на меня. Взгляд у нее добрый, участливый.

— Одна, что ли? — спрашивает.

— Одна.

Она переглядывается с мужем. Тот пожимает плечами.

— Место есть, — говорит, — Через два часа выезжаем. Ночевать на недорогом постоялом дворе будем. Если не боишься...

— Не боюсь, — говорю я.

— Три серебряника, — соглашается мужчина. Женщина кивает, похлопывает по месту рядом.

— Садись, милая. Вместе веселее.

Я забираюсь в повозку, усаживаюсь на лавку к женщине. Немного дрожу, то ли от холода, то ли от всего, что случилось за эти дни. Но чувствую облегчение. Женщина представилась Аникой, напоила меня водой и угостила булочкой.

— Ма... Матильда — представляюсь другим именем, первым что пришло в голову.

Вскорости забирается молодой мужчина. Он молча закидывает в повозку свой небольшой саквояж, усаживается напротив, на другую лавку, и отворачивается к окну. Он с нами особо не разговаривает, хоть Аника и порывается у него узнать, что да как — откуда, куда, по какой надобности. Он отвечает односложно: «Да», «Нет», «По делам». Ясно дает понять, что не желает поддерживать разговор и Аника отстает.

Повозка трогается, и я смотрю, как город остается позади. А Анике скучно, и она начинает расспросы у меня.

— Почему одна-то? — спрашивает, — Молодая, красивая, а одна по дорогам мотаешься. Не дело это.

— Сестра заболела, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — Нужно съездить помочь. Тяжелая болезнь, может, не встанет больше.

— Ох, горе-то какое, — вздыхает Аника.

— И не страшно одной-то?

— Я же с вами.

— И то верно, — она довольно кивает, — Сейчас дорога спокойная. Не то что в военные годы. Вот раньше, бывало, едешь и каждую минуту боишься, что из-за куста выскочат. И разбойники были, и дезертиры, и всякий сброд. А теперь тихо. Слава Богине, отвоевались.

Аника принимается рассказывать, как они с мужем ездили раньше. Про разбои и воров, про девиц ушлых, которые на тракте промышляли, и про мужиков пьяных, которые к ночи пристают. Я слушаю вполуха, киваю иногда, поддакиваю, но в разговор особо не вступаю.

Молодой мужчина напротив закрыл глаза, сделал вид, что спит. Или правда спит — не знаю.

Колеса мерно стучат по мерзлой дороге, лошади фыркают, Аника много говорит. Ее голос течет, как река, ровный, спокойный, усыпляющий. Через часа два пути меня начинает клонить в сон.

Я борюсь, пытаюсь держать глаза открытыми, но веки тяжелеют, голова клонится набок. Аника замечает, пододвигается ближе.

— Спи, милая, — говорит тихо, — Все в порядке. Я присмотрю.

Я хочу сказать, что не надо, что я не сплю, что я должна быть начеку. Но слова путаются, превращаются в невнятное мычание. Глаза закрываются сами.

Я просыпаюсь ночью от резкого торможения. Первые секунды не понимаю, что происходит. Я провалилась глубоко в сон и теперь вынырываю рывком, не понимая, где я и что со мной. Испуганно распахиваю глаза. Мозг тут же, наслушавшись рассказов Аники, рисует картину нападения: разбойники, темные фигуры, ножи, крики. Сердце колотится, а руки судорожно хватаются за сумку.

Но это просто остановка.

Аника, сидящая рядом, спокойно поправляет платок, собирает свои узлы. Молодой мужчина напротив просыпается медленно, трет глаза, поправляет воротник. Никто не кричит, не паникует. Значит, все в порядке.

— Приехали, милая, — говорит Аника, замечая мой испуганный взгляд, — Не бойся. Это постоянный двор, мы здесь всегда останавливаемся. Дороги совсем не видно, лошадям отдых нужен. Да и муж устал, не ровен час, уснет за вожжами.

Я выдыхаю. Пальцы разжимаются, отпуская сумку. Медленно прихожу в себя, чувствуя, как страх отступает.

— Сколько мы ехали? — спрашиваю осипшим голосом.

— Часов восемь, не меньше, — Аника уже выбирается из повозки, протягивает мне руку, — Давай, вылезай. Разомнешься, чаю попьем.

Я выбираюсь из повозки, опираюсь на трость. Нога затекла, болит, не слушается после долгого сидения. Я делаю несколько осторожных шагов, привыкая к твердой земле, и осматриваюсь.

Постоянный двор — добротное двухэтажное строение из темного бревна, с высокой крышей и широкими окнами, из которых льется теплый желтый свет. Ворота распахнуты, во дворе уже стоят несколько повозок. Мы не единственные путники, кто решил заночевать здесь. Конюшня, колодец, поленница дров.

— Не бойся, Матильда, — говорит Аника, беря меня под руку, — Мы здесь часто останавливаемся. Двор держат надежные люди. Хозяин — бывший военный, порядок любит. Никто здесь не обидит.

Я киваю и следую за ней. Ее муж Норт уже заходит внутрь, о чем-то разговаривает с хозяином — коренастым мужчиной с седыми усами. Молодой попутчик идет следом, не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли. Я рада, что он не проявляет ко мне интереса.

Нам выделяют по комнате. Я плачу положенную сумму и поднимаюсь на второй этаж.

Комната совсем крохотная, но мне больше и не нужно на одну ночь.

Кровать приходит перестелить полная молодая девушка. Лет восемнадцати, не больше. Лицо круглое, румяное, волосы светлые, заплетены в тугую косу. Она хлопочет у кровати, поправляет простыни, а сама то и дело поглядывает на меня — украдкой, но любопытно.

— Вы куда едете? — спрашивает она, разворачивая одеяло.

Я напрягаюсь. Зачем незнакомому человеку расспрашивать? Кто она? Может, ей кто-то велел узнать? Может, она потом расскажет, что видела женщину с тростью, одну без мужа. Я сжимаю пальцы на сумке, чувствуя, как внутри поднимается знакомая тревога.

— Что такое? Напугала тебя своими расспросами?

— Я просто первый раз далеко еду, — признаюсь под ее правдивым взглядом.

— Прости, не хотела. Мне просто... нужно завтра в столицу уехать. А отец не пускает. Говорит, девке одной в городе делать нечего. Замуж выдаст, и ладно. А я не хочу замуж... А он заладил: выйдешь, и все тут.

Я смотрю на нее. На ее горящие глаза, на сжатые кулаки, на упрямо поджатые губы. И что-то отзывается во мне.

— Почему именно в столицу?

— Так в академию, — она говорит это так, будто все очевидно, — Я хочу травницей быть.

— Ты же не аристократка.

— Да, — кивает она, — С этого года набор открыт на всех. Лекарей не хватает. Берут всех, кто способности имеет. И даже пять мест на курс бесплатных выделяют. Для тех, у кого денег нет. В газете видела. И на стене в городе вывешено.

— Да, мы в столицу едем. И одно место есть, — раз ей так надо.

— Да?! — она радуется, — Спасибо, я договорюсь с вашим извозчиком. А ты? — она смотрит на меня, — Ты тоже туда?

Я качаю головой.

— Нет. У меня другое дело.

Она снова кивает, не спрашивая, какое. Взбивает напоследок подушку и направляется на выход.

— Если передумаешь, — говорит она, уже у дверей, — Там еще до конца недели можно подать заявление.

Закрываю дверь на засов.

Потом усаживаюсь на кровать. Сумку кладу рядом, не выпуская из виду. Трость прислоняю к изголовью. И просто сижу.

Не сразу решаюсь лечь. Прислушиваюсь к шумам, доносящимся снизу. Голоса стихают, звякает посуда, хлопает дверь. Потом становится тише. И тише.

Ни топота у дверей. Ни скрипа половиц. Никто меня больше не беспокоит.

Я скидываю сапоги, вытягиваю ноги, растираю уставшую ногу, а потом все же засыпаю.

А утром, на завтраке с Аникой замечая, что моя вчерашняя знакомая общается с молодым мужчиной, что едет с нами.

— Невеста его, — шепчет Аника, перехватывая мой взгляд, — Просил с собой взять.

— Возьмете? — удивленно спрашиваю я, девушка молодец — все же договорилась.

— А чего ж не взять.

И когда мы уже все сидим в повозке, перед самым отъездом, когда Норт уже потерял терпение и поглядывает на дорогу, хмурится, переглядываясь с Аникой.

— Ну и где твоя зазноба? — спрашивает он у молодого мужчины.

— Сейчас будет! — отвечает он.

И правда, стоит ему это произнести, как к нам забирается запыхавшаяся девушка. Она пыхтит, тащит за собой увесистую сумку, щеки покраснелись, платок съехал набок. Оглядывается по сторонам, но за ней никого нет.

— Поехали, — улыбается она, устраиваясь на лавке рядом с мужчиной, — Простите, что задержалась. Я Делия.

Я улыбаюсь ей в ответ.

Молодец. Все же решилась. Не то что я, которая год тянула и ждала чего-то. Ждала, что Дурен изменится. Ждала, что кто-то заступится. Ждала, что чудо случится само. А она за одну ночь придумала легенду, узнала у меня нужную информацию, подружилась с мужчиной, имени которого я даже не знаю.

Едем долго. Дорога тянется бесконечной лентой, лес сменяется полями, поля — перелесками, и все начинает пробуждаться от зимнего сна.

Аника болтает с Делией. Они словоохотливые, живые, не умолкающие ни на минуту. Аника рассказывает про детей, про внуков, про то, как они с Нортом начинали, когда молодыми были. Делия слушает, раскрыв рот, перебивает вопросами, сама рассказывает что-то на услышанные темы.

Мы переглядываемся с молчаливым мужчиной, который едет с нами. Он сидит напротив, и когда наши взгляды встречаются, я вижу в его глазах ту же усмешку, что чувствую сама. Настоящие болтушки. Он чуть заметно качает головой, я опускаю глаза, чтобы не рассмеяться.

Через какое-то время дорога выходит к реке. Я вижу ее еще издалека — широкую ленту, которая блестит на солнце, будто кто-то рассыпал по льду тысячи осколков зеркал. Мы въезжаем на мост, и я не могу оторвать глаз.

Корабли.

Я видела их только на картинках. Тогда я водила пальцем по нарисованным мачтам и парусам и не верила, что такое бывает на самом деле. А теперь они стояли передо мной — настоящие, большие, с высокими бортами, с канатами толщиной в руку, с причалами, где суетились люди.

— Впервые, что ли? — усмехается Аника, заметив мой взгляд.

— Впервые, — признаюсь я.

— Ну, в столице и не такого еще навидеешься, — говорит она.

А к вечеру мы подъезжаем к столичным воротам. Они огромные. Я даже голову задираю, чтобы увидеть верх. Каменные, с башнями по бокам, с гербом над аркой — дракон, расправивший крылья. Людей перед ними много, все тянутся по очереди, предъявляют что-то стражам.

Нас останавливают. Двое стражников — старый, с седыми усами, и молодой брюнет. Старый подходит к повозке, оглядывает нас цепким взглядом.

— Почему без сопровождения? — бурчит он.

— Не дети мы, чтобы за мамкиной юбкой прятаться, — отвечает ему Делия.

Тот хмурится.

— А как случится чего, так и бежите к нам за помощью.

— Со мной она, — вступается мужчина.

— И эта? — стражник кивает на меня, — Фамилии разные.

— Сестра моя, — отвечает ему наш спутник, не моргнув глазом, — Просто у нее мужняя фамилия.

Я киваю, стараясь выглядеть уверенно. Стражник смотрит на меня, на Делию, на мужчину.

— А что за досмотр усиленный такой? — спрашивает Норт.

— Так положено, — гаркает молодой, не давая что-то сказать старому.

Он машет, чтобы мы проезжали, подзывая следующих.

— В прошлый раз такого не было, — ворчит Аника, поправляя узлы.

Мы проезжаем дальше. Улицы становятся шире, дома выше, людей больше. Я верчу головой, пытаюсь рассмотреть все сразу — вывески, фонари, витрины, экипажи, которые едут по мостовой. От шума в ушах звенит, от огня рябит в глазах. Я чувствую себя крошечной, затерянной в этом огромном городе.

Норт останавливает повозку.

— Дальше нам не по пути, — говорит он, поднимаясь.

Я прощаюсь с Аникой. Она обнимает меня, как родную, шепчет: «Здоровья твоей сестре». Норт кивает молча, трогает лошадь, и они уезжают, растворяясь в вечерней суете.

Я остаюсь стоять на тротуаре с Делией и мужчиной.

Здесь я странным образом расслабляюсь. Здесь меня найти нереально, самой бы не потеряться!

— Как ты его уговорила? — спрашиваю Делию, когда Норт отходит к почтовой конторе и просит его подождать, — С нами он и слова не проронил, а тут...

— Дин? — она улыбается, и я наконец узнаю его имя, — Он душка, просто не при людях. Я его знаю — он каждый месяц возит документы из разных городов. Ему запрещено с посторонними разговаривать, вот и держит рот на замке. А так — хороший. Удача на моей стороне, раз он как в столицу направлялся. И тебя встретила.

— Тебе куда? — спрашивает она, — Мне почти к центру. Академия находится недалеко от дворца.

— На Розовую аллею, — отвечаю Делии, Гленда дала мне адрес, с которого ей пришло то письмо от дракона. Может, он уже и неверен, достаточно времени прошло.

— Не знаю, — пытается что-то припомнить.

— Я знаю, — к нам возвращается Дин, — Это район богатых аристократов. Тебе точно туда?

— Да. Мне нужен Эрик Аурион.

— Знаю такого. Пару раз отправлял его посылки. Серьезный тип. Ну как и все драконы. Он оглядывается по сторонам, оценивая обстановку.

— Пойдемте, девушки, довезу вас куда нужно, — он ловко ориентируется в этой столичной суе и ловит экипаж. Не представляю, как я была бы здесь одна.

ГЛАВА 15

МАРИ

— Я так волнуюсь, — говорит Делия.

Она теребит край меховой жилетки, перебирает пальцами, сжимает и разжимает их, будто считает что-то про себя. Глаза у нее блестят — то ли от возбуждения, то ли от страха, то ли от того и другого вместе. Она смотрит в сторону академии, на ее высокие окна, на ворота, за которыми вскорости решится ее судьба.

— По тебе и не скажешь, — улыбаюсь я девушке, стараясь успокоить. До этого она и правда не подавила вид, что волнуется.

— Я стараюсь не показывать, — она вздыхает, — Дома меня учили: бояться — это нормально, главное, чтобы страх не мешал идти вперед.

— Мудрые были твои домашние.

— Бабка, — коротко отвечает она, — Она меня и научила всему, что умею. Травы, коренья, заговоры. — Всего пять мест. Наверняка много желающих.

— Скорее всего, — киваю я, и ее лицо на мгновение темнеет.

— Но я попробую. Даже если не получится — попробую. А там... там видно будет.

Признаться, меня тоже заинтересовало обучение в академии. Что-то внутри отозвалось. Какое-то давно похороненное желание, скрытая тяга к знаниям, которую я старалась в себе подавлять.

А теперь? Теперь я стою на столичной улице, рядом с девушкой, которая не боится мечтать, и чувствую, как во мне прорастает что-то новое. Слабое, робкое, но живое.

Делия моложе меня. Хотя при общении с ней не чувствуется особой разницы. У нас разница небольшая, но я чувствую себя старше. Полученный опыт словно груз давит на плечи и будто прибавляет возраста. Не старая ли я для ученицы?

Но ведь учиться никогда не поздно? Гленда так говорила, а она тоже мудрая.

— Ты всегда такая молчаливая? — спрашивает меня девушка.

— Не помню, если честно, — говорю я медленно, подбирая слова, — Была ли я общительной или за этот год привыкла молчать.

— А что случилось в этом году?

Она смотрит на меня с живым любопытством, без осуждения. Ей правда интересно.

— Это долгая история. И я не готова ее рассказывать, — говорю откровенно и она не настаивает.

Мы с Делией не настолько знакомы, чтобы рассказывать ей всю правду о себе. Быть может, потом... Если дружба продолжится.

— А почему ты представилась Матильдой? Какое дурацкое имя, — тихо смеется подруга.

— Ничего другого в голову не пришло. Просто побоялась. Мало ли.

— Ты такая осторожная.

Она смотрит на меня с уважением, почти с восхищением.

— Ты внушаешь мне какую-то уверенность, — продолжает она, — Не знаю почему. Может, потому что у тебя глаза спокойные.

Я улыбаюсь. Она не знает, что я умею молчать, потому что научилась терпеть. Что мое спокойствие — это панцирь, под которым дрожит перепуганное сердце. Но если ей от этого легче — пусть.

— Может, сходим на вступительный экзамен вместе? — спрашивает она вдруг.

Я замираю.

— Не знаю...

— Просто за компанию. Ты приносишь мне удачу.

— Ну вообще-то, — говорю нерешительно, — Я тоже кое-что смыслю в лекарском деле...

— Правда?

Ее лицо озаряется. Глаза становятся огромными, щеки розовеют. Она хватается меня за руку, сжимает пальцы.

— Да, — говорю, чувствуя, как внутри поднимается что-то теплое, — Работала помощницей у лекарки в нашей деревне.

— Тем более, Мариса! — она почти кричит от восторга, — Это знак! Мы не просто так встретились. Богиня свела нас вместе, чтобы мы пошли в академию. Вместе.

Я молчу.

— Твой дракон может подождать? — спрашивает она, чуть тише.

— Он не мой, — поправляю ее.

— Тем более. Пойдем со мной? А к дракону успеешь. Он не убежит.

— Делия... Некрасиво приходить вечером.

— Так ты днем сходишь! Экзамен через два часа. После обеда уже будешь свободна. Успеешь и к дракону.

Делия заражает своей жизнерадостностью. Или это я опьянена свободой? После стольких лет запретов и страха во мне проснулось то, что я считала умершим. Мне хочется попробовать то, чего была лишена. Сделать то, что никогда не разрешала себе.

Ведь я всегда хотела учиться.

Просто дома мне не давали этой возможности. Я сама украдкой читала книги, сама вызвалась в помощницы к Гленде, потому что мне это было интересно. Потому что внутри горел огонь, который никто не мог потушить.

Даже Дурен. Даже его кулаки.

— Пойдем? — Делия смотрит на меня с надеждой.

Я бросаю взгляд на академию. Это моя новая жизнь, которую я выбираю сама.

— Хорошо, — говорю, — Пойдем, — все же решаясь.

Делия вскрикивает, обнимает меня, и я чувствую, как ее радость передается мне.

— Только если не получится — не обижайся, — говорю ей, — Я не училась по-настоящему. Все — самоучкой.

— Получится, — уверенно отвечает она. — Ты умная. Я вижу. Мы докажем, что простые девушки на многое способны!

Дин довез нас до ворот академии, оставил Делию свой адрес и распрощался. Он снова направлялся на работу, где ему должны были выдать новые заказы.

— Спасибо, Дин, — сказала она рассеянно, пряча бумажку в карман, — Ты очень помог.

— Удачи вам, девушки, — кивнул нам обоим, но смотрел только на Делию.

Экипаж тронулся, и он уехал, растворился в утренней суете. А я смотрела вслед и думала: не врал Делия, когда говорила, что не собирается замуж. Она действительно не думает о мужчинах. Все ее мысли об учебе, о знаниях, о том, чтобы стать настоящей лекаркой. И теперь я в этом ее полностью поддерживаю.

Делия права и по поводу Эрика Ауриона. Думаю, ничего не изменится, если я приду на следующий день, например. Он же меня не ждет.

Мы вышагиваем по двору академии и не знаем на что смотреть. Всего слишком много, что глаза разбегаются. Здание огромное, из светлого камня, с высокими колоннами и широкими лестницами. Окна во всю стену, с резными наличниками. Над главным входом — герб: змея, обвивающая чашу, и над ней корона.

А вокруг парк. Каменные дорожки, скамейки, фонари.

Мы не одни такие желающие.

Народа действительно много. Сотни, наверное. Молодые девушки и юноши, некоторые постарше, как я.

Здесь несколько длинных очередей. Видимо, по факультетам. Мы отыскиваем табличку «Лечебное дело» и занимаем свою очередь.

Я оглядываю желающих и становится немного грустно. Их слишком много. Зачем я здесь? «Просто поддержу Делию» — успокаиваю себя. Нужно быть решительной. Даже интересно, что будут за вопросы и способна ли я ответить на них.

Очень скоро глава от Эрика))) Все никак Мариса до него не доберется)))

А также приглашаю вас в свою группу вк "Маргарита Абрамова. Книжная терапия", вчера открыла там канал, будем продолжать общаться там. Дополнительные арты, видео, промо, магазин активности и, конечно, просто общение и оповещения о чп и новостях. Буду рада всех видеть!

ГЛАВА 16

ЭРИК

Я не люблю опаздывать.

И вообще не люблю, когда что-то идет не по плану — привычка, выработанная за годы службы при дворе. Но сегодня все пошло наперекосяк с самого утра.

Сначала Лианна устроила истерику. Снова. Разбила чашку, накричала на гувернантку, заперлась в своей комнате и отказалась выходить. «Не пойду к лекарю, не надо мне никакого лекарства, я здорова!» — кричала она сквозь дверь, и в ее голосе слышалось то самое шипение, которое появлялось, когда темная магия брала верх.

Я стоял под дверью, сжимая кулаки, и чувствовал себя беспомощным. Я умел управлять государством, вести переговоры с королями, подавлять мятежи — но не умел разговаривать с собственной шестилетней дочерью.

— Лианна, открой дверь, — сказал я в пятый раз. Твердо, спокойно, как на совете.

— Нет!

Гувернантка, немолодая женщина с расстроенным лицом, стояла у двери и бессильно разводила руками.

— Ваше сиятельство, она уже третий раз за неделю. Я не знаю, что делать.

Новая тоже не справляется. Но винить женщин было сложно. Я прищурился, но ничего не сказал, возвращаясь к разговору с дочерью.

— Лианна, мы просто поговорим. Никаких лекарств.

— Врёшь! Все вы врёте!

Она не открыла. Я постоял ещё минуту, прижимаясь лбом к холодному дереву, и сдался. Кивнул гувернантке — та поняла без слов. Оставим её. Иногда это помогало. Иногда — нет.

По пути в кабинет заглянул в спальню к Элине.

— Как она?

Младшая дочь вчера неожиданно заболела. Белые драконы болеют редко. Но Элина еще слишком мала. Ее дар только пробуждается, и организм не справляется.

Я толкнул дверь и вошел в спальню. Комната была полутемной, шторы задернуты, в воздухе пахло травами — лекарь приходил ночью, оставил отвар. Элина лежала в своей кроватке с раскрасневшимися щеками и влажными от пота волосами. Ей всего два года. Светлые кудряшки разметались по подушке, дыхание было беспокойным.

— Как она? — спросил я у ее няни, миссис Дэвис, которая сидела рядом.

— Под утро температура спала, — ответила та, вставая.

Я же занял ее место около кроватки, осторожно взял Элину за руку. Маленькая теплая ладошка сжала мой палец во сне.

— Папа, — прошептала она, не открывая глаз, но чувствуя, что это я. Ночью она звала маму, было не по себе. Когда я женился на темной драконице, не думал на что обреку свою семью.

— Я здесь, — ответил тихо, — Я рядом.

Она что-то пробормотала еще, потом затихла.

Жена пропала два года назад, сразу после рождения младшей. Однажды вечером она вышла из дома, сказав, что хочет подышать свежим воздухом, что разболелась голова и ей нужно немного тишины. Я не придавал значения. Но она не вернулась.

А я остался с двумя дочерьми один.

Лианна замкнулась. Она помнит мать. И ненавидит меня за то, что я не нашел ее. А еще — ненавидит себя. За темную кровь, которая просыпается в ней. За то, что становится похожей на врага, на тех, о ком шепчутся в городе, на тех, кого боятся и презирают. Я вижу,

как она рассматривает свои руки в свете луны, как трогает пальцами висок, где проступает едва заметный узор, и я не знаю, что ей сказать. Как утешить ту, что ненавидит половину себя.

Элина не помнит ничего. Ей было несколько месяцев, когда матери не стало. Она растёт, тянет ручки к пустоте, плачет по ночам и зовет маму, которая не придет. И я не знаю, что ей сказать. Как объяснить, что мама была, но ее больше нет. Я просто не могу найти слов, которые утешат ребёнка, тоскующего по тому, чего он никогда не знал.

— Ваше сиятельство, не беспокойтесь, я присмотрю, — говорит няня, старая, надёжная, растрившая еще меня. Она гладит меня по плечу, успокаивает, обещает, что девочки будут в порядке. Но я вижу, как она сама устала. Как тяжело ей справляться с обязанностями.

С Элиной все более-менее ясно. Маленький светлый лучик в доме, который сейчас погас от болезни и тоски по матери. А вот со старшей с каждым годом всё труднее. У нее уже четвертая гувернантка за чуть больше года.

Лианна становится взрослой, и её вопросы становятся острее. Она требует правды, но правда слишком жестока. Она хочет знать, почему мать ушла, почему не вернулась, почему я не смог её спасти. И я не могу ей ответить. Потому что сам не знаю. Хотя и есть предположения. Вряд ли можно считать совпадением ее исчезновение и начавшее темное восстание...

Не хотелось верить. Жена была далека от этого. Но подтверждение смерти не было. Она просто исчезла. А без подтверждения я не могу вступить в новый брак, даже если бы хотел. Закон есть закон. Пока жена считается пропавшей без вести, я остаюсь женатым человеком.

Да и нет желания. Никто не сможет заменить девочкам мать. Только лишний раз мучить их.

Я посидел еще минуту и ушел к себе в кабинет, где меня ждала еще одна неприятность. Донесение из городской стражи: за ночь поймали ещё двоих подозрительных. При себе — поддельные документы, странные амулеты, ничего, что указывало бы на связь с недавним покушением, но достаточно, чтобы держать под стражей.

Тёмные драконы.

Кто-то пустил слух, что король болен, что двор в панике, что настало время ударить. Чушь, конечно. Король здоров как бык, двор настороже, и мы уже поймали двоих из их шпионской сети. Но вчера ночью кто-то пытался проникнуть во дворец. Не через главные ворота, используя подземные ходы. Охрана сработала хорошо, но нападавший скрылся. Теперь весь город на ушах, досмотры на всех воротах, и каждый день мне приносят новые сводки.

Я пробежал глазами бумаги, отложил в сторону. Где искать новые зацепки?!

А вчера вечером еще и ректор академии прислал срочное сообщение. «Ваше сиятельство, прошу присутствовать на вступительных экзаменах боевого факультета.». Я поморщился, перечитывая. Как все не вовремя!

Но присутствовать я был обязан, так как являюсь белым драконом, коих осталось мало. Поэтому на меня возложили помимо должности Советника по особым делам и Руководство боевой кафедрой.

Ректором Королевской Академии является мой друг Кристофер Алистер, и я уверен, что он справился бы и без меня. Но порядок есть порядок. Заодно посоветуюсь с ним. Может, натолкнет на какую-то мысль.

И конечно, визуал нашего героя.

Эрик Аурион

ГЛАВА 17

МАРИ

Королевская Академия не зря носила такое название. Ее масштабы поражали.

Несколько корпусов, соединенных крытыми переходами, высокие шпили, уходящие в небо, огромные окна. Прикадемическая территория — невозможно оторвать взор!

Мы дождались своей очереди и заполнили положенные для экзаменов документы.

Я вначале переживала, что выдам свое настоящее имя. Пальцы дрожали, когда я взяла перо. Но потом заставила себя успокоиться. Вряд ли Дурен будет меня искать здесь. Даже если он каким-то образом узнает, что я направилась в столицу, то ни за что не подумает искать меня в академии.

Хотя я искренне надеялась, что он и вовсе не будет меня искать. Получит развод и заживет новой жизнью, где он большой начальник.

Неожиданное знакомство с Делией привело меня сюда. Еще вчера я была уверена, что пойду к дому Эрика Ауриона, постучу в дверь, подам письмо от Гленды и буду ждать, примет ли он меня. А теперь я сидела в приемной комиссии и вписывала в бланк свое имя.

Мы вошли в аудиторию. Просторный зал с высокими потолками, огромными окнами и длинными рядами столов, на каждом — бумага, чернила, несколько сухих растений. Впереди — длинный стол, за которым сидели трое экзаменаторов: пожилой мужчина с седой бородой, молодая женщина и еще один мужчина, средних лет, с пронзительным взглядом.

— Садитесь, — сказал пожилой, не глядя на нас, — На выполнение задания — час.

Мы се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.